

Вспышка.
Каждому СВОи.

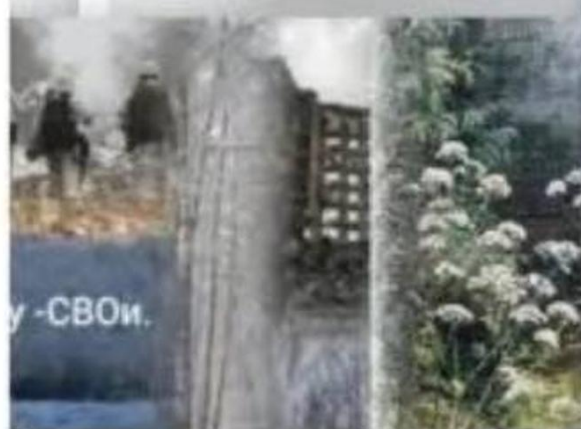

Каждому -СВОи.

Елена Агалакова.

Вспышка. Каждому СВОи.

у -СВОи.

Елена КРАСАВИНА
Вспышка. Каждому СВОи

«Автор»

2026

КРАСАВИНА Е. А.

Вспышка. Каждому СВОи / Е. А. КРАСАВИНА — «Автор»,
2026

Они живут в одной стране, учатся в одних университетах, слушают одинаковую музыку, смеются над мемами. Целуются в метро. Рвут отношения в Telegram. Но кто-то едет на фронт. А кто-то за границу. Просто кто-то верит в Родину, кто-то в совесть. Кто-то в разум и силу духа. Кто-то в силу сердца и душу. Война разделила их и сделала чужими. Есть ли что-то, что объединит? И надо ли? И стоит ли? И важно ли это? И для кого?

© КРАСАВИНА Е. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Елена КРАСАВИНА

Вспышка. Каждому СВОи

Глава

Глава 1.

- Да ты сдурела! Я же старый? - самодовольно ухмыльнулся мужик.

Девушка только крепче вцепилась в рукава камуфляжа и повисла на командующем всем телом, увлекая его то ли в кусты, то ли в пучину страсти.

Изменение координат отрезвило. Командующий взял в руки сначала себя, а потом нашел запястье девушки, и взял её ручки в аккуратные клещи:

- Стой, стой. Подожди. Я не могу, Пусти.

И он ушёл.

Девушка не поверила, посидела какое-то время в ожидании, пока пятая точка не остыла до температуры кочки. И стало понятно, что он действительно ушёл. И не вернется.

Она встала, и преодолевая шторм, медленно пошла в сторону звуков жизни. Дошла до первого бармена и опрокинула с кем-то по «писярику».

Загасила беспокойство, связанное с сумочкой, и согласилась с кем-то под музыку. От парня одуряюще пахло знакомым парфюмом.

"Модный дедок, что ли?" - она снова пережила приступ вожделения, слабость от близости, и унижение от отказа.

Смутно припоминая как зовут, приказала отвалить, и попыталась отвалить тоже...

Дальше большой пробел...

Она проснулась в чужой квартире. Обшарила себя: одета, хотя расстегнута, может и обошлось, подумала и отправилась искать кухню, или просто попить. Кухня была ниче так, довольно приличная, квартира слишком гламурная на её вкус, хотя довольно засранная, она даже встала на цыпочки. Распахнула шкаф и нашла хрустальный стакан. Уже отпив половину она вдруг замерла.

Сумочка! И она метнулась в комнату. В голове отдалось приступом боли и тошноты. Сумочка нашлась на диване, выпотрошенная и бесполезная. Девушка осела на диван, пытаясь осмыслить масштаб катастрофы.

В дверях бренькнули ключи и какой-то пидороватый хмыреньш радостно подскочил к ней, потрясая в воздухе бутылкой с тёмным вином.

Девушка включила страшный мат и минуты две говорила только на нём. Потом снизила вибрации и спросила, уже на русском, где деньги, показывая на разоренную сумочку.

Хмыреньш с сожалением поставил бутылку на стол, подождал, пока она соберется и обуеться, и повёл куда-то в соседний подъезд.

Там продолжалась туса, и там она узнала чувака, с которым согласилась под музыку. Узнала, по запаху парфюма как у генерала, который так обломил её вчера.

И она снова пережила приступ вожделения, робкую нежность поднимающегося чл..., торжество женской силы, предчувствие близости, и....унижение от отказа.

Чувак вернул все деньги, которые остались, её любимые очки от Дольче Габана, полез в мусорное ведро за карточками. Потом она закрылась в туалете. Пересчитала деньги, привела более-менее в порядок одежду, помыла с мылом карточки, и расплакалась.

Весь банкет вчерашнего вечера оказался за её счёт, и обошёлся ей в две месячные зарплаты. Могло быть и хуже, парень с генеральским парфюмом, сам того не зная, вернул ей сбережения целого года, и ещё карточки, с безумным кредитом. Вот бы гульнули.

.....

Генерал вернулся домой вовремя. Сильно поддатый. И раздосадованный. Жена надулась, велела спать в гостиной. Он хлопнул дверью, забрал с собой в кабинет большой плед и завалялся плашмя на диван. Через минуту он уже храпел.

Ему снилась сумасшедшая девушка, которая сторожила его у штаба округа.
- Мне нужно с вами поговорить!

"Журналистка, что ли?"

Во сне она цеплялась за рукава его камуфляжа, висла на нем всем своим тонким телом, увлекая то ли в кусты, то ли в пучину страсти.

....

Но вообще, что за дичь, скажете вы? Ну какое вожделения? Ей двадцать пять, ему под шестьдесят! Фигня, мягко выражаясь!

....

Когда она первый раз его увидела, подумала, мужик бухает, наверное, не просыхая! Такое у него было испитое лицо. Но какой костюм! И то, что он носит его на футболку! Молодится, или реально пох..ст? И потом этот парфюм!

А когда он заговорил, забыла, какой у него костюм, и как футболку, и какое лицо, осталось только выражение лица. Уверенное. Жесткое. Властное. И прищур как в прицел.

И голос как металл.

А сказал:

- Все правильно! Все будет хорошо! Мы победим, и я знаю, как! Мы знаем! И ребята молодцы! И мы правы! И вы не бойтесь! - вот что он сказал!

....

И вся её робость, её мучительное сомнение в правоте того, что происходит, её страхи перед войной и смертью, её чувство вины и обиды, неумение принять сторону, разделить ответственность - все растворилось в его уверенности, власти, в его страсти и правоте, в его решительности, в его резкости. В его бесстрашие. В его полном понимании войны.

«Обожаю военных!» - в первый раз подумала она тогда.

- ...и все знает! И что делать. И не боится ничего, знает про войну. И на все вопросы у него уже есть ответы. Которые утешают всех - она видела, специально наблюдала за дядьками - всех: не только её, и мужиков крутых и бывалых - И не боится ничего!

В тот вечер она впервые за последний год быстро уснула. И с тех пор искала с ним встречи. Тем более что идея понравилась шеф-редактору. А персонаж стремительно набирал популярность.

- Да ты сдурела! Я же старый! - само довольно ухмыльнулся дедок.

- Нет! не старый - и она повисла на нём, всем своим тонким телом, увлёкся то ли в кусты, то ли в пучину страсти.

В который раз в жизни назначая высокому чувства совсем другое значение.

Глава 2

Девуцу звали Оля. Ольга. Ольга Дабонина. В узком профессиональном кругу личность, скажем так, узнаваемая... немножечко ...чуть-чуть.

И она далеко не каждый день пробуживала по две месячные зарплаты. Ночевала где ни попадя. И вешалась на шею пожилым мужикам.

Она была себе даже молодым и перспективным журналистом.

Жила довольно медийно. Снимала квартиру на Уралмаше, в основном работала. Любила кордебалет в Музкомедии, там у неё танцевал один знакомый. Была завсегдатаем кафе по соседству, моденького, где со всеми знакомилась, появилась узнаваемость ...чуть-чуть, стала помогать.

Приятельствовала с несколькими центровыми журналистами, по временам встречалась с одним из них, так, больше из спортивного интереса.

Все эти излишества оплачивал папа, её зарплаты, хватило бы разве что на скромную жизнь в общежитии. Койка в которой у нее, кстати, была, на всякий пожарный.

Ближних друзей в Екатеринбурге у нее сложилось. Две школьные подруги остались в Тюмени. Да ещё недавно появились друзья за две тысячи километров в Питере. И сегодня Оля созванивалась с Викой.

....

С тех пор как они познакомились прошло два года. Вика успела стать матерью, потом блогером. А Оля задвинула свои театральные фантазии и училась на журфаке в Екатеринбурге. Параллельно делая карьеру на том самом телеканале. Хотя, что тут было параллельно, ещё вопрос, потому что на канале она бывала каждый день, а училась всего два раза в год, заочно.

Это, наверное, не так круто, но Оле шел двадцать шестой год, самое время становиться в профессии, а не понты колотить, да и учиться ей настойчиво рекомендовал шеф-редактор, сказал, "пожелания директора канала".

Что касается телеканала, то он был такой нормальный канал, можно сказать, регионального значения, и у Оли были вполне себе перспективы.

- Представляешь, я влюбилась в старика! - сказала Оля, с некоторой даже досадой.
- Че правда? И я! - Вика не дала Оле развить свою досаду.
- Ты? Да ладно? А Ваня? - когда-то они и познакомились, потому что показались Оле аабббсолютной парой! На них все оборачивались!

Ваня был настолько хорош, насколько может молодой татарин, ну или ещё турок. Высокий, красив, строен, тонок чертами, стильно пострижен и одет с шикарной небрежностью.

Но главное, он так ухаживал за своей девушкой, что у невольных свидетелей екало. Оля только потому и обратила на неё внимание: за кем же так! так! ухаживает этот красавчик?

Женская красота на неё не действовала, ну, разве что с точки зрения соперничества, поэтому Викину магию она оценила только после того, как её собственный кавалер попытался Виду трахнуть. На этом связь с кавалером закончилась. А вот их дружба только началась.

Довольно необычное начало для дружбы, правда?

Но именно это Оля и определила для себя как аабббсолютная пара. Ваня с Викторией повели себя как настоящие джентльмены и друзья. Поддержали, защитили, и в каком-то смысле даже повлияли на судьбу. В таком возрасте иногда события одного дня делают друзьями на всю жизнь.

А в то лето произошло много необычных и судьбоносных для Оли событий. И эта парочка оказалась непосредственной участницей их всех.

В ответку она той же осенью оказалась свидетельницей на их свадьбе. Оля им даже немножечко позавидовала.

И вот теперь эта счастливая обладательница сердца самого прекрасного мужчины влюбляется в старика. Ну ты подумай!?

- Ему тридцать пять. Он очень крутой в онлайн! У него там целая империя! Куча денег, куча бизнесов, его все знают!

"Старик - хмыкнула Оля - тридцать пять!"

И вздохнула.

Старик, на которого запала она годился в отцы Викиному онлайн-чемпиону.

Глава 3

Он увидел её в толпе прессы, через пару дней на заводе, разволновался, даже побоялся что покраснел... Поэтому отвечал грубовато всем и смотрел мимо неё.... Вопрос она задала дерзкий, типа, доколе! Он ответил так же резко: сколько надо - столько и будем! Единственная польза: он узнал, кто такая и из какого издания. Издание было... нормальное такое издание, и он почему-то обрадовался. Ну все-таки не шалашовка!

....

Через пару дней после пресс-конференции генерала, шеф после планерки отвёл её в сторону и спросил, не натворила ли она чего.

- Чего! - надулась она.

- Того! - ответил шеф - интересовались тобой из штаба округа. Спрашивали откуда, кто такая, давно ли и прочее. Это надеюсь не значит, что у меня неприятности?

- Я тоже надеюсь - ответила она.

И заволновалась. На пресс-конференции она вякнула что-то такое, ни о чем, лишь бы заявить! Хорошо, что вообще дали слово. Но и ничего такого, чтобы прям шефа подставить - у неё со штабом округа не было. Интерес мог быть только от самого генерала... Или... Или.

....

Шеф-редактор не одобрил её затею ехать на войну. Но она настояла, убедила и собралась. Ну потому что! «студенточка» - не статус! И не писать же бесконечно про пожарные выставки. А личный военкор для издания - это круто!

Что касается внутренних стимулов, то их было два: родину она любила, хоть и не задумывалась почему, папка любил, ну и как бывшая активистка и общественница она жизнью страны интересовалась, всегда, хоть это было не модно, где-то слишком пафосно, и в контексте даже глуповато по временам, но болью в сердце отзывалось.

А второе - генерал не вылезал с ТВД. Она специально узнавала.

Генерал сильно встряхнул её обрастающее либеральным лоском сознание. Немного уже и подуставшее от гламура и вечного глума своего нового окружения. Родной факультет, да и родной канал, и все сообщество предполагало определённую позицию, и совершенно не выносило инакомыслия.

"До генерала" она с этим легко мирилась, глум считался хорошим тоном, а лёгкий цинизм придавал речам как бы веса и глубины, но "после генерала" - ей вдруг захотелось других оценок, от других людей.

Кроме чувств был еще и здравый расчет. Журналистика делалась не здесь. Настоящая журналистика. Которая останется. Для имени, для карьеры. Это она точно поняла. Услышала.

К тому же Екатеринбург, за последние три года перестал казаться ей пределом профессиональных мечт и амбиций. Оставаться в этом городе дальше смысла не было. Пора было идти дальше. Попытаться вырваться на оперативный простор настоящей журналистики... Даже и с некоторым риском для здоровья. Если посмотреть на это как на окно возможностей. Почему нет.

И она поехала.

....

Но одно дело врать шеф-редактору, что у тебя работа, и вообще никаких страхов, и совсем другое дело оказаться на войне, где действительно стреляют.

Уже на второй день они попали под миномётный обстрел и только чудом никто не пострадал.

Мальчик сержант упал на неё всем своим весом, ударил чем-то железным в бок, и закрыл её каску своими тяжёлыми руками, тут так бахнуло, что она на минуту оглохла, потом их присыпало землёй,

" Ой да ну нафиг! Домой хочу!" - она до смерти испугалась.

Раньше, чем она успела опомниться, опять гроыхнуло снова, левее и чуть впереди, сержант снова прикрыл её своим телом, и потом всю дорогу прикрывал, она специально следила за ним, это было задание, не ухаживания там, не знаки внимания, он по-настоящему закрывал её своим телом от пуль, и осколков.

И потом, когда она писала с ним интервью, все пыталась найти в этом мальчике, почти школьнике, смущенном перед камерой и немножко косноязычным от внимания к себе, признаки героизма и самоотверженности, которые в нём были точно, потому что он их проявлял всего полчаса назад, по отношению к ней, абсолютно посторонней для него, праздно и любопытствующей дамочке.

В общем, экскурсия получилась: борщи и каша из полевой кухни, пара вылазок на войну, раздача слонов от волонтеров, ночевка в старом общежитии под Баханье недалеко фронта, несколько дублей испорченных стендапов, где она приседала от каждого выстрела. И триумфальное возвращение на работу. Все приходили поздороваться и пожать руку. Хотя она знала этот город, за кулисами многие крутили у виска.

В её первую поездку никого не ранило, не убило. Можно считать, что войну она так и не увидела. Репортажи получились здоровские! Забористые! Смелые. Картинки такие яркие, зелень и бирюза. Потом она была у лётчиков, потом у артиллеристов.

....

А потом она попала в Мариуполь. И все перевернулось. Такого страшного зрелища она не видела никогда. Пустые глазницы окон, разрушенные дома, выжженные изнутри, следы пламени на три этажа вверх. Страшный запах смерти.

И невыносимая мысль о том, что этот запах от людей.

И вторая, это сделали тоже люди.

И панельные многоэтажки советских времён рушатся под бомбами советских времён.

И бывшие советские люди убивают друг друга с обеих сторон.

Они с оператором ехали мимо колонн беженцев, и она никак не могла поверить глазам. Это не хроника, и не художественный фильм, это идут современные, хорошо одетые люди, в кроссовках адидас, с рюкзаками от найка, девочки - подростки в стильных худи. Бабушки с вечными сумками-тележками в кокетливый горошек. Нарядные женщины в золотых украшениях. Бездомные. Раздавленные горем. Потерявшие всё. В один миг. Все что нажитое. Непосильным трудом. И, боже мой, как это не смешно!!!

В такие моменты она искала генерала. Она подписалась на все его каналы и страницы. И слушала его сквозь слезы, рассматривала его лицо и впитывала энергетику, потому что репортажи становились всё мрачнее и печальнее.

Потому что потом она сделала ещё серию репортажей из госпиталей, и даже из одного детского. И решила, наверное, пора завязывать. С этой войной, с этой профессией.

Потом еще ранило её оператора, и она своими руками зажимала набухающие кровью джинсы. И пока солдат - их проводник доставал жгуты и матерился, у неё под рукой пульсировала и выплевывала жизнь горячая рана такого родного Валика. Ещё минуту назад ржачного и целого, а теперь белеющего лицом и темнеющими глазами.

Она увезла Валика в госпиталь, забрала аппаратуру. Отправила материалы на студию собрала вещи. Остались ещё административные мелочи. Напоследок она решила смотаться в Донецк, генерал должен был, в общем она знала, что он будет там.

Глава 4

Увидев её в Донецке, генерал испугался. Хотя и обрадовался так, что сердце заскакало в груди, как птичка, как перепуганный воробей. Попросил адъютанта найти её после мероприятия, и позвать вечером в гости. Начал с того, что отругал, зачем она на фронте.

- А я у вас, генерал, разрешения не спрашиваю... - сказала она и насупилась. Она думала, что повиснет на нём как в первую их встречу, тем более что в этот раз ему некуда уходить. Но не повисла.

Он сам уверенно взял её в охапку:

- Так о чем ты хотела поговорить? - сердце у него при этом громко стучало.

.....

Говорят, и в песнях поют, что гусары царили и на балу, и на бранном поле и даже некоторые позы в сексе называют гусарскими. Как это можно совмещать, ей до сих пор было не очень понятно. Танцор, воин, убийца, любовник, поэт, филосОф. Как?

А тут как-то именно что все совместилось. И кудри дев, и гривы коней, и политинформация с психотерапией. И жизнь, и слезы, и любовь, короче, все как у классика.

И пока они там занимались сексом, вопросы не переставали волновать нашу героиню. И кому задавать такие вопросы если не воину и любовнику.

Например, кто во всем этом виноват? Как моя добрая родина стала агрессором вся земли.

Может ли человек оставаться тем же, если убил другого человека? А тот, кто стрелял в него самого, может? Что с нами будет потом, мы же были братья. После ненависти? После страха? После горя? После стольких смертей.

Кое на какие вопросы она нашла ответы за время своих командировок. Например:

На войне она почувствовала, что человек не меняется, он просто принимает новые правила, когда сталкивается, с какой-то чудовищной силой, вроде тайфуна, вроде землетрясения, или лавины.

И она, эта сила, против всех. Люди друг против друга, а она - НАД! И жрет и тех, и других.

Кто начал, и откуда считать, уже не важно, её разрушительная сила подхватывает и поглощает уже без оглядки на начало. Остановиться, типа "я в домике" уже нельзя. Её можно теперь только закончить.

А на тот главный вопрос генерал вообще сказал:

Ты не ищи виноватых, ты же виноватых ищешь?

Оля то ли помотала головой, то ли покивала.-

- Вернее так, ты ищешь оправданий, так?

У Оли навернулись слезы.

- Ууу!! - генерал поднялся, усадил девочку на колени, обнял за плечи - ты совсем расстроенная, девочка. А ну, прекращай! Послушай папу! Тебе...не в чем...оправдываться! Поняла? Ни тебе... ни мне! Ни тем более нашей Родине, поняла! Ни нам всем! Мы ни в чем не виноваты, поняла?

Оля покивала, утирая слезы.

- Повтори? - скомандовал генерал.

Оля слотнула и приготовилась, генерал продиктовал:

- Нам не в чем... -

- Нам не в чем оправдываться!

- Мы ни в чем... -

- Мы ни в чем не виноваты!

- Ну, вот, видишь, какая ты хорошая ученица. И давай ещё один вопрос:

Обвинять Родину нечестно, это как обвинять мать.

Ты просидела у матери на шее все детство, так? Она тебя выучила, вскормила, так? Наряжала?.. Баловала?.. За границу возила? Английскому учила, дура такая?! Айфоны покупала? Как могла, может не очень богато, но как могла, а может и богато. Так? Так что ж ты, паршивка, теперь глумишься над постаревшей женщиной? Это раз.

Второе, обвинять Родину - это стыдно, это такое предательство.

Разве нет? Чем она перед тобой провинилась? Ну ещё наше поколение может какие-то претензии, но даже мы - нет. Не предъявляем! А ваше-то вообще - как сыр в масле катались! Ничего не запрашивали! Все дороги! Куда хочешь!

И третье, а те, кто тебя учат Родину предавать, они чьи? наши или ихние?

Ты же не сама это придумала. Ты и мучаешься этим, потому что сама так не думаешь. Откуда этот бляцкий нарратив? Кто это продвигает? Откуда ноги растут? Кто это все говорит? А они? о чем мечтают? Кто ИХ научил это мечтать? Куда оборачиваются? А они перед кем извиняются? И за что? В общем, не перед ними же оправдываться.

- Они говорят, что это мы войну начали - пожаловалась Оля.

- Да пофигу! Пусть говорят, что хотят. Вообще не думай о них. Ну, если не получается не думать, думай. Просто не оправдывайся. Когда мы победим, они заткнутся, и сами найдут нам оправдания, и прибегут мириться, и подстелятся, и подмахнут. Потому что признают только силу. Мы просто такие вежливые, что все уже берега попутали! Нам не в чем оправдываться. Нас так долго задирали, что я вообще удивляюсь, что мы начали только сейчас. Знаешь почему?

- Почему?

- Потому что считали, что мы слабаки. Надо было тогда ещё, в четырнадцатом году их мочить, мы тогда уже были на грани победы...тогда ещё народ был за нас. Не надо было связываться с этим Минском...

- Да? - Оля с надеждой заглянула генералу в лицо.

- Ну, были причины, тогда бы у нас не хватило пулек... у нас и армии-то не было, нормальной, боеготовой. Ну и вообще, наш главнокомандующий до последнего вежливый... Иногда чересчур... Я бы уже дал!

- Да?

- Да! Но я поэтому и не главнокомандующий... А мы с тобой давай съедем что-нибудь - им действительно привезли ужин в номер, на красивой тележке, с куполами никелированных крышек. Парочку они уже перевернули.

Еда была вкусная и красивая. Оля почему-то вспомнила кашу из полевой кухни, как их с Валиком ребята кормили на передовой и захрустела салатом.

- А так ты сейчас плачешь, потому что у них пропаганда работает хорошо, а у нас пока не очень.

У Оли опять навернулись слезы.

- Потому что слушаешь не тех! Ты меня слушай, и вообще, военных. Потому что самые настоящие пацифисты - это военные. Поняла? Потому что они знают, что такое война, чем это грозит, и как это все близко, эти все угрозы.

Генерал тоже с большим удовольствием хрустел салатом, ломал белый хлеб, резал на огромные куски отбивную:

- Но, конечно, после этого братьями мы уже не будем... Не захотим. И они не захотят, но их никто не спросит. Мы не спросим. А победителей не судят. А мы победим.

Сейчас, в гостях у генерала, после Валика, после беженцев, после разрушенного Мариуполя, Оле показалось, что она понимает. Насколько ценны обычные человеческие радости, еда, тепло, тишина, безопасность, сухая и чистая постель, объятия мужчины. Как отчаянно человек нуждается в этом во всем. Как мало ценит в обычной жизни.

Она получала какой-то нереальный кайф от этого салата. От гостиницы, красивой и дорогой, от чистоты, от еды, от вина, от фужеров, от белого белья, от дядьки, от его нереального отношения. От секса.

Подходов было много, она забыла сколько. Сказать, что они не спали всю ночь, было бы неправдой, потому что они спасли как раз всю ночь, просто просыпались от каждого движения, возвращались к сексу, и потом снова засыпали.

Какие-то из подходов получались совсем короткие, какие-то длинные, особенно первый. Генерал оказался таким яростным любовником, что она просто сдалась. Он делал что хотел, она только принимала. Откликалась на все, реагировала, соглашалась, позволяла: то плакала, то кричала, то стонала, то охала, и в какой-то момент подумала, что ничего толком не знала про секс.

В очередной раз засыпая спросила генерала, учат этому гусаров что ли, и, если не секрет, где. Генерал хмыкнул поцеловал ей ручку, дальше она уже спала.

Когда проснулись и она вернулась к вопросу спецподготовки, он ответил, что просто опыт, что сексом занимается раза в два дольше чем она живёт. Ну и вообще просто сорвался. Уж больно девочка красивая. Теперь Оля хмыкнула, поцеловала генерала в грудь и опять провалилась в сон.

- А знаешь, я вообще думала, что не люблю секс.

- Да ладно?! - генерал засмеялся, она к этому моменту тоже успела продемонстрировать ему кое-какие свои эротические зарисовки - Ты не любила секса?! - он целовал её ручки.

Он без конца целовал её ручки. Оля улыбалась, что маникюр животворящий делает! Правда в Донецке офигевшие маникюрши, такой ценник!

- Ну а что? Все ходят на дискотеки, даже те, кто не очень любит. Кое-кто даже знает несколько танцев. А у меня талант. Я же танцорка. С точки зрения танцев, секс не самый сложный танец.

Генерал без понимания кивнул:

- А сейчас?

Оля повернулась у нему всем своим тонким телом, колыхнула выдающейся грудью.

Генерала смешно замирал, когда у него падало сердце. По глазам было видно, что сердце упало. А по прочим членам - куда оно падало.

Оля торжествующе улыбнулась:

- А сейчас, с тобой я, кажется, начинаю любить секс! Ты мной так наслаждаешься!!! - она засмеялась - мной никогда так не упивались! Это так непривычно, удивительно, волнующе, аж я сама наслаждаюсь, и процессом, и собой - и она снова засмеялась.

Генерал, наконец, расслабился и улыбнулся. Он прижал девочку к себе и целовал попеременно то плечико, то пальчики:

- Олечка, Олюшечка! Ты такая молодая, просто немыслимо, просто молоденькая! ты представить себе не можешь, какая ты красивая! Какая ты красивая! Какая же ты красивая!

Глава 5

Оля не ушла из профессии. Генерал переубедил. Сказал, что сделает для неё все что сможет, и она всегда будет узнавать все тогда же, когда и он, лишь бы на передовую не лезла! Она как бы пообещала.

Думала, чисто формально. Но генерал тут же обложил её какими-то обязательствами: отчитываться, докладывать, она взвыла, потом сбежала.

Потом поссорилась с ним по телефону, и несколько дней вообще не брала трубку. В следующую командировку даже не написала ему, что была в Донецке. Чтобы не вмешивался.

Он узнал и страшно ругался. Как? Оказывается, просматривал её сюжеты. Адъютант мониторил и пересылал ему ссылки, сюжеты одобрил, нюансы сказал при личной встрече.

Его правки были полезны и по делу. Он смотрел жестче и шире, предлагал захватывать всё направление, и показывать больше взаимоотношений с тылом, с волонтерами.

Она сделала такой материал. Волонтерам понравилось. Шефу тоже, сказал, зрители начали писать, куда денег послать. Генерал оказался прав, как всегда.

Сама бы она делала больше бытовых зарисовок, портретов Боевые эпизоды - нет, но ей пересылали сами бойцы, иногда она просила, чтобы взяли с собой их камеру. Парни хорошо снимали, правда жестко, многое её шокировало. Особенно...

Вместо Валика ей дали другого оператора, Костю. Он снимал лучше, но был таким нудным и ленивым, что уже за первую неделю она устала от него до чертей! Было вообще непонятно, зачем он поперся, дело-то сугубо добровольное.

Она не перестала бояться войны. Изменилось другое. Война перестала быть для неё абстракцией. Она уже не могла сделать вид, что этого нет, что это её не касается. И люди, которые не бывали там у линии, казались ей..., в общем, с ними ей стало сложно.

У неё появилось много знакомых, которые понимали.

Одни этим жили: кто в окопах, кто в тылу, близко от фронта, кто волонтерами, кто медсестрами, войну обслуживает так много людей.

Были знакомые-блогеры с Кубани, готовили в огромных котлах, прямо на трассе, тут же хлеб пекли, кормили бойцов даром. Все на пожертвования.

К ним специально приезжали с большой земли, оставляли посылки. А потом приезжали бойцы, с передовой и эти посылки забирали.

Кто-то ездил раз в месяц с теми самыми посылками.

Кто-то раз в неделю с водой или продуктами.

Это конечно была совсем другая жизнь. Аскетичная, тревожная, собранная. Камуфляжного цвета в основном. В ней было меньше праздности, больше порядка. Все делали дела, которые нужно было делать, даже когда стреляют.

Стреляли. Часто. Иногда попадали. Бывали потери.

Случайных людей почти не было. У волонтеров, почти у всех были какие-то свои счета с войной.

Однажды у кубанцев-блогеров она видела такую картину.

Женщина такая пожилая уже мыла посуду, огромную кучу, высоченную, долго мыла и все время плакала, слезы капали, стекали по подбородку, одна из капель висела на носу, периодически срывалась, назревала новая, снова срывалась.

К ней подходили бойцы за чистыми ложками, там стаканами. Она вытирала лицо висящим рядом полотенцем, разговаривала с людьми нормальным совершенно голосом, кивала, улыбалась даже, а когда отходили, снова погружался в свой плач. Снова капали с носа огромные капли, стекали по подбородку, падали в таз. Можно было подумать, что посуду она мыла своими слезами.

Вообще тут так плакали все. Если плакали. Поджатые губы, сами собой текущие слезы, проглоченный ком в горле, тяжёлый вздох. И все - на другую тему.

Чуть дальше от этой при-фронтальной линии жизнь постепенно выравнивалась. Асфальт становился нормой, появлялись нарядные женщины, и штатские мужчины. Эти места она любила больше всего. Тут отпускал страх. Тревоги и беспокойство оставались. Но уже в животе поднималось ликование: Слава Богу живы! И на этот раз обошлось!

Это она читала и на лицах других своих знакомых, не военных, как и она. Тех, что приезжали ненадолго, потом уезжали домой и переваривали, каждый сам с собой, на своём месте. И там на месте они как раз и сталкивались с этим... На них смотрели как... Без понимания.

В общем, им никто не верил, вежливо кивали, но видно было, что не верят! ни единому слову! Не хотят. Не хотят знать!

"Да и ладно! Это не главное. Главное ты сама" - как говорил генерал. И она собиралась в очередную командировку.

Командировки бывали и в тыл.

Генерал предложил сделать серию про волонтеров. И она съездила к ним в Ростов. Потом набрался целый список, и она два месяца ездила по тылам. В разные города, на разные производства.

Получилось вообще-то здорово. Целая серия фильмов. Целая цепочка производителей. Все это было так актуально для фронта. Они ещё каждый раз и доставку снимали, и вручение ништяков. Бойцы радовались. Новым бронежилетам, курткам, но больше всего, конечно, обуви! Похолодало.

И больше всех радовался её генерал, говорил, что успехам, но скорее, что она подальше от войны.

....

Они всего дважды виделись за это время. Генералу было не до неё. Он сдавал Херсон. Был немногословен, сер и холоден. И занят! он занят был целую вечность! Неделю. Восемь дней. Потом ещё неделю. Оля даже не думала, что отступление, как операция требует такой подготовки.

"Ну, что ты! Это даже сложнее чем планировать наступление!" - сказал он ей, когда уже отвели войска, и остались только мирные. Разрешил выехать на переправу, сделать репортаж.

"Я там для прессы места оставил, там будет целый взвод охраны, мирные и пресса, в общем, только для тебя этим и заморочился, постараюсь задержаться где-то, напиши только где тебя найти"

....

Впечатление город произвёл тяжёлое. Как детдомовский ребенок, все уезжают, а он остаётся. Люди в городе казались растеряны и обижены. Люди на переправе - усталы и испуганы. Солдатики на пирсах и матросы на катерах были молчаливы, угрюмы и холодны, как вода в Днепре. А что тут скажешь?!

На нашем берегу кинули временный городок: медпункт, палатки для беженцев, столы и скамейки из досок, тепловая пушка, полевая кухня и туалет типа сортир. Там прибывающих быстренько кормили, сажали в автобусы и максимально быстро увозили от берега. Боялись обстрелов. Темнело, и в тепловизорах врага мы были как на ладони.

....

Оля задержалась. Костя уехал раньше, пообещал наснимать картинок в дороге и на том конце, здесь они сделали уже все что нужно, она присела в углу возле полевой кухни и набирала текст для репортажа, здесь было тепло по крайней мере.

От переправы, или где-то с реки слышались звуки взрывов. В палатке сначала все замерли, потом метнулись к выходу. Оля тоже выскочила на улицу.

Было уже почти темно, около медпункта собиралась толпа и Оля побежала. Туда принесли уже несколько носилок и медсестры металась между новыми поступающими.

- Что? Что случилось?

- Катер разбомбили с журналистами...

- Mamочka! - у Оли перехватило дыхание. Они с Костей должны были переправляться на этом катере. Уехали раньше за теткой, интервью брали, а она спешила к дочери.

- Там что одни журналисты?

- Да нет, конечно, больше половины беженцы.

- Много раненых?

- Да, такой ужас, прямо в толпу ударило, двоих сразу убило...

- Легких человек пятнадцать и этих пятеро - тяжёлые, надо вертолёт вызывать. А тут их подбить могут.

Лёгких, это для медиков, Оля не могла остановить взгляд, он метался от одной раны к другой.

Вот человек, в белом когда-то плаще, одна половина все еще белая и шикарная, а другая, перепачканная в крови, от плеча до самого колена, это лёгкий - у него всего лишь рука, открытый перелом.

А вот девушка, у неё, разбито всё лицо, и руки, такие глубокие порезы, боже мой! все останется в шрамах! она ещё и не видит ничего, и её ведёт какая-то женщина, сама прикрывающая голову, тоже всю в грязи и крови.

Мужчина несёт на руках огромную женщину, немыслимо, как он её поднимает, женщина стонет и держится за живот. "Помогите, помогите ей скорее, доктор!" - кричит он, даже не выбиваясь из сил. Её укладывают на носилки, а он падает в обморок.

- Девушка, вы что, с ума сошли? Не снимайте - накричала на неё врач, молоденькая, как сестричка. Оля по привычке включила камеру.

- Я журналист, издание такое-то...

- Тут все журналисты, не видите?! - горько пошутила девушка.

Люди в таком состоянии действительно мало отличались друг от друга. Все были в шоке, мокрые и грязные. Люди всё прибывали, голосов прибавлялось. Раненым помогали, кто сам кому-то помогал. Было много крови и стонов.

- Оля! Оля Дабонина! - крикнул ей кто-то из глубины медпункта.

- Даня? Даня, ты ранен?! - она проскочила мимо девушки-врача, нарушая все мыслимые регламенты.

Даниил Пшеничный был её однокурсник. Оторва и бабник. Блестящий репортёр, блогер и колумнист местного канала "Таврический" ставшего за последний год нереально цитируемым.

- Даня! Ты ранен? Даня! Боже мой!

Даня лежал на носилках в самой глубине медпункта, он был весь мокрый, перепачканный в грязи, бледный и весь дрожал. Нога у него была... сильно выше колена ногу его перетягивал оранжевый жгут. А остальная нога... остальная нога лежала рядом с ним на носилках, завернутая в кусок его же штанины, как...

Оля сглотнула ком и взяла его за руку.

- Оля, Олечка, нас спасут?! Меня спасут, ты не знаешь! - Даня плакал и дрожал, и только крепче сжимал её руку - Помоги мне, Олечка! Все говорят, что у тебя тут генерал... Помоги мне. Поможешь?!

- Я не знаю, Даня... Я постараюсь... Что смогу...

- Возьми, возьми, у меня тут телефон, если он жив ещё, я снимал до самого почти конца. Хороший материал, используй, обязательно используй, будет жалко потерять, такой ценой, помоги мне ладно? Там двоих просто разорвало, - просто на глазах у меня - и он снова зарыдал, содрогаясь всем телом.

Оля плакала тоже, не отпуская его руку:

- Даня, миленький, ты только держись, ладно. Ты только не умирай!

К ним подошла маленькая докторша:

- Выйдите, пожалуйста! Здесь не место для гражданских!

- Доктор...

- Оля! Малкова Наталья, помнишь, с регионального, она погибла - Даня послушно отпустил руку, и девочка-доктор вытолкала плачущую Олю из палатки.

- Доктор, миленькая, его спасут? - спросила она у девочки.

- Он не умрет. Не бойтесь.

- А нога?

- Ну, тут все сложнее. Для нейрохирурга есть ещё час... Если будет вертолёт, ну, в течение часа, то может и нога.

- Доктор, миленькая, он самый красивый мальчик на нашем курсе - Оля снова плакала и умоляюще смотрела на доктора.

У той зазвонил телефон, она сказала:

- Новикова - потом четко по-военному ответила, "так точно" и "есть". Выключила телефон и сказала:

- Будет вертолёт - взгляд её потеплел, Оле показалось даже, что она улыбнулась. И без перехода зычно гаркнула в глубину палатки - Эвакуация! Готовность десять минут!

Оля проследила, как Даниила Пшеничного, и с ним ещё двоих тяжелых загрузили в вертолёт. Потом туда погрузилось ещё человек десять, может больше легких, и вертолет тяжело поднялся в воздух.

Оля проследила за беспокойным взглядом маленькой докторши, та осматривала небо. У Оли сжалось сердце. И она решила больше не ждать.

В автобус она садилась почти последней. Генерал так и не появился.

....

Генерал нашел её уже поздно ночью. Вернее, нашел её Никита, адъютант. Нашел, тут же передал по радиации какую-то ерунду, типа: " Батон, я коржик, нашел булочку, булочка целенькая"

Блин! шифровальщики! Оля уже отошла чутка от этого шока на переправе. Но было приятно, переживает.

- Ой! Да я посидел за эту ночь! - всегда, когда они встречались, у генерала так стучало сердце!

Но в этот раз оно стучало не только по её поводу. У генерала там в Херсоне случилось очень большое горе.

- Да у меня там разведчиков осталась рота. И их вчера, сука, сдал кто-то. Всех...Ну не всех...Она, конечно, не одна была рота. И сейчас эти гниды бандеровские, ждуны блятские, моих парней к столбам скотчем приматывают. Знаешь же как они любят, твари!

У Оли второй раз за сутки случился тремор, и она никак не могла его унять. Опять вспомнила эту женщину, которая мыла посуду горькими слезами.

- Да, ты понимаешь, солдаты, они солдаты. Они смерти не боятся. У каждого граната припасена для себя. Напоследок. Знаешь, хотя бы с достоинством умереть. А тут издеваться же будут, унижать по-всякому. А они, бляди, этому здорово научились за войну. Такое творят, тебе лучше и не знать! - генерала тоже трясло.

- И я, главное, спрашиваю у одного такого ублюдка, где вы этого всего нахватались? Советские же дети в прошлом? "Мы, говорит, и не умели, долго учились!" - к ним представляешь из Израиля специалистов привозили.

- Каких специалистов? - Оля даже не сразу поняла.

- Специалистов по казням, по пыткам... Давай-ка мы с тобой водки выпьем?

Вот такое у них получилось свидание. Пили всю ночь. Какой там к херам романтик!

Глава 6

Генерал написал Оле, что у него отпуск. И что она могла бы к нему приехать.

Приехать в Питер, потому что у него там совещания, потом встреча с поставщиками, там он ещё две машины принимает, потом встреча с сыном и она.

Правда на неё всего пара дней. Оля согласилась. Передвинула вперёд давно запланированную встречу с производителями питерскими.

Позвонила подруге, сказала, что приедет. Вика сказала, что ура! что примут с радостью, и что у них можно остановиться. Оля обрадовалась, давно не виделись. И начала собираться.

Сказать по правде, генерал немного наврал. Встретиться он собирался не только с сыном. Должна была приехать вся семья. Но не рассказывать же это девочке, которая только начинает строить планы на жизнь.

Вообще генерал не был бабником. Хотя и святым тоже не был. Баб у него случалось прилично, вернее даже, наверное, неприлично. Просто он не квалифицировал это как измены. Ну, трахнул где-то тетку, в командировке случалось, в санаториях любил, на работе - нет, хотя девки у них в штабах всегда были шикарные.

Они с женой дружили настоящей солдатской дружбой. Столько было пережито за тридцать лет, столько они намотали по стране, по гарнизонам, двоих детей родили и вырастили. Он и не собирался.

Тут эта девчонка! как-то так... и... ну, и раз уж получилось, пытался приспособиться уже как-то с этим жить. Забронировал ей номер на два этажа выше и на три дня позже.

....

Оля решила приехать дня на три раньше, во-первых, выходные выпадали, во-вторых, хотелось в Питер, друзья, потусить, погулять, так, чтобы своя жизнь, ну и третьим номером уже генерал, а четвёртым - дело, понятно!

Прилетела она рано утром в пятницу.

Вика встретила её в аэропорту на новеньком минивэне. Быстренько домчали до дому, потом так же на скорости заскочили в магаз, за пять минут пронеслись, набрали корзину, и в том же темпе долетели до подъезда. Раздышались в лифте и без десяти восемь уже постучали в квартиру. Тук-тук!

Открыл им Ваня в гламурном фартуке с утятами. Дежурно чмокнул жену, тепло обнял Олю и ушёл на кухню, где у него что-то шкварчало и довольно вкусно пахло на всю квартиру.

- Ваня! Ты печешь блины? - Оля мыла руки в ванной, и рассматривала по ходу, как стильно они обустроились.

Вика домовито дотащила пакеты до холодильника и присоединилась к подруге:

- Ааа, так ты ж у нас ещё не была здесь?

- Нет, не была, давно вы здесь?

- Да. Уже больше года.

- Прикольная у вас тут рама.

- Это Ваня придумал - зеркало было хитро подсвечено изнутри рамы и производило впечатление как в гримерке, только лампочки были тактично скрыты, один свет - здорово, краситься, наверное, удобно.

Оля вышла на кухню:

- Ого! - кухня была метров двадцать пять, половину которой отгораживал диван.

- Тут ты будешь спать - Вика подменила Ваню у плиты, и лихо вылила на сковороду очередную порцию теста. Все зашипело снова и ещё вкуснее запахло.

Ваня выставил на стол тарелку со своими блинчиками, довольно страшными. Один от тут же свернул в трубочку и макнул сначала в сметану, а потом в варенье, отчего по варенью расплзлось красивое лиловой пятно.

- Вань! Ну че ты делаешь?! - Вика достала три персональных блюдецка. Положила на них по большой ложке и сметаны, и варенья. "Что сложного?" - написано было на её лице.

Ваня без претензий воспользовался. Оля последовала его примеру.

"Вкусно?!" - даже удивилась она.

- Это Вика! - пожал плечами Ваня - Она заводит... Печет тоже она, я так - на подхвате. Сказала к вашему приезду хоть несколько испечь.

Оля одобрительно покивала.

Викуся довольно быстро управлялась со сковородками и уже через десять минут заменила на столе Ванину тарелку на свою с красивой стопкой образцовых блинов.

В это время из комнаты, где Оля ещё не была, пришлепал босыми ножками человечек и уткнулся спящим лицом в папины коленки. Папа положил руку ему на спинку, другой рукой завершил пируэт блина по тарелке, заправил его в рот, и занялся ребёнком уже обеими освободившимися руками. Он его поднял на ручки, уложил на колени и сцепил руки в замок под сдобной попкой. Мальчик поерзал чуть-чуть, приспособился и уткнулся папе в подмышку.

- Ой, кто это к нам пришёл? - запричитала Вика - Чей это мальчик проснулся! Это наш мальчик проснулся! - она подошла к ним, поцеловала ручку, потом затылок, потом папину руку, просто попалась, чмокнула папу в макушку и продолжила - Ой какой вкусный мальчик, ну-ка, дайте я его съем, этого ребенка! Просыпайся, Юрочка, просыпайся мой хороший, сейчас мама Юрочке блинчик положит, пап тебе еще сметаны?

Папа отрицательно помотал головой

- Ну тогда Юрочка пойдет с папой умоемся, да папа?

Папа послушно пожал плечами. Юрочка слез с папы и пошлепал босыми ножками в сторону ванной.

- Что? - Вика вопросительный уставилась на подругу.

- Офигеть! Вы так изменились!

- Да? Были другие?

- Да вообще!

- Стали хуже?

- Нет, почему? Наверное, нет, не хуже!

- А чего тогда так смотришь! - засмеялась Вика.

- Да просто не узнаю - Оля тоже улыбнулась.

В это время вернулись мальчики. Уже умытые, и даже почти бодрые.

Ребенок, наконец, обнаружил незнакомую тетеньку, и уставился на нее с интересом и любопытством.

Он разглядывал её все время пока мама его кормила.

Потом пока папа собирался на работу.

А Оля рассказывала маме о себе, и что с ней происходило за эти полгода.

Потом пока папа обувался в прихожей, причесанный и нарядный.

И Оля, наконец, узнала в нём стильного красавчика, на которого западала три года назад.

Ваня, надел куртку и распахнул объятия для прощальных обнимашек:

Подходили по рангу: сын, мама, тётя.

Когда очередь дошла до тётки, Ваня сказал:

- Я не думал, что ты такая молодец!

- Да?

- Да... Я боялся, что ты как весь гламур, вон как Вика... Всё, девчонки! Побежал, опаздываю уже...

- Через Культуру едь, Вань! На Гражданке пробка - крикнула уже в подъезд Вика.

Юрочка продолжал махать папе ручкой.

- Мы в выходные в Вырицу собираемся к бабушке. Поедешь с нами?

- Ну, может вы меня хоть на Аврору вывезете, или там в Летний сад?

- Ой! Ну, конечно, не переживай, что-нибудь придумаем!

Глава 7

Они столкнулись, как в кино, в самом посещаемом месте Питера. На Дворцовой, где генерал фоткался со своим семейством.

Погода была отличная, солнечная, с лёгким морозцем. Дышалось хорошо. Жена, дочка. Младший снимал. Они собирались в Эрмитаж, но поленились стоять в очереди, решили пару кадров и пойти в музей Пушкина на Мойку. Жена с дочкой любили, сыну полезно, а он не возражал. Ему в принципе было везде хорошо. После Донецкой-то разрухи.

Чисто. Асфальт, плитка. Пахнет морозом. Семья вся в режиме шаговой доступности. Безопасно. Не бомбят. Ещё бы съесть что-то такое.

Он уже сутки пребывал в состоянии полного почти дебилизма. За него все решали, везде водили, говорили куда сесть, лечь, что надеть, что посмотреть по ящику и куда пойти поужинать.

Года, наверное, три они вот так не собирались. Наверное, ещё до пандемии. Дочка жила в Питере, сын служил в Краснодаре, генерала мотало по командировкам, одна жена добросовестно учительствовала в родном Новосибирске, прерываясь только на летние каникулы. Ну или вот, как сейчас, на отпуск мужа. Для неё даже переверстали расписание, чтобы отпустить в учебное время. В таком вот порядке исключительного исключения.

....

Оля как раз фоткала своих. Боковым зрением отметила знакомый силуэт, чисто из профессионального педантизма сфоткала живописную группу и отвернулась. Похож. Везде мерещится.

Она выступала в качестве семейного фотографа, и ещё несколько минут была действительно занята. Когда осознала и снова обернулась, группа удалялась в сторону от их компании.

Ваня с Викой были заняты, как всегда, своим ребёнком, и не сразу заметили перемены в подруге.

А подруга, лихорадочно отматывала отснятые кадры назад, назад, пока не нашла тот самый единственный нужный кадр. Ракурс был так себе. Но главное было все же читаемо.

Это был он, точно он, остальные угадывались. Сын был - копия. Молодая женщина могла быть дочерью. А вот та, что постарше...

Было очевидно, кто была эта женщина, по осанке, по месту в группе, по манере держать мужа под руку, по выражению полного счастья и дебилизма на лице этого, б..., мужа.

Неприятно поразило её открытие, что она сама у своего генерала номером третьим. Что он так счастлив и БЕЗ неё! Что у него столько ещё любимых и близких КРОМЕ неё. И даже и любимее, и поближе будут.

В общем, "неприятно!" - вообще не то слово! Она просто рухнула в какую-то чёрную яму. Прямо тут, на Дворцовой площади.

- Оль? Ты чего? Оля. - Вика не могла достучаться до коматозной подруги.

- Поехали? - выдавила из себя гостя.

И пока Вика рассказывала, что, ну вот, фотоотчет о пребывании сделан, и можно уже ехать к бабушке, что Ваня последнее время не любит с ними ездить, что надо будет ещё на выезде заскочить в "Ленту" и купить кое-что. Что они ещё успевают...

Оля с трудом вытаскивала себя из мазутного отчаяния, прямо руками переставляла одну ногу, возвращалась за другой, снова вытягивала из трясины отказывающую конечность. Подтягивала штаны, падающие с утекающего тела. Собирала в руки текущее лицо. Снова переставляла ногу, другую, пока с грехом пополам не доползла до нарядной Викиной машинки.

Ваня уложил уснувшего ребенка в кресло. Вика попросилась тоже назад. Сделала вид что быстро уснула, и получила, как минимум, полчаса уединения.

Там она позволила себе растечься по полу бесформенной лужей, и, лежала так какое-то время, минут через двадцать или тридцать она смогла вдохнуть. И ответить на Викин вопрос.

- Нет, Вика, можно я не пойду.

- Ну тогда мы на тебя Юрочку оставим, он хорошо спит -
и родители ушли в гипермаркет, оставив их с ребенком в машине и в покое.

....

Генерал привычно написал девчонке "привет, как дела?"

Его домашние собирались в театр. А он не захотел. Отпросился. Развалился в номере на шикарней койке, подумал про сексодром, вот и написал.

Она не ответила.

Обычно отвечала. Сразу. Видать не на связи.

Он подтянул к кровати столик и завалил его всякой всячиной из холодильника: мороженое, колбаса, сыр, банка оливок, помидор, лимон, тонко нарезанный бекон, принёс пузатую бутылочку с коньяком и такой же пузатый бокальчик.

- О пап! Хорошо устроился. Так-то бы я, наверное, тоже остался! - сказал сын.

- А ты сегодня отвечаешь за дам!

Сын сделал грустное лицо, но отец остался непреклонен. Он разворачивал сыр и собирался устроить себе тарелку-ассорти.

Включил телевизор, плеснул из бутылочки, накатил, и как был босиком и в трениках вышел в прихожую расцеловать домашних:

- Вы - красавицы!! А ты - молодец. Не задерживайтесь. После спектакля, сразу домой! А то я тут без вас упьюсь в одну харю.

- Сильно не усердствуй - строго сказала жена - у нас еще завтра Петергоф.

....

Генерал послал ещё один приветик. Оля не ответила. Прошло может с полчаса, может больше.

"Ты где? Я соскучился!" - снова написал он.

Минут через пять пришла фотка, с подписью. "Иди в жопу!"

Он дёрнулся, как от пощечины. И пару минут слушал пульс в голове и в сердце. Ну хоть бы многоточие там поставила, фу! Нет, прописала всё до последней буквы. Какая она все-таки грубая! Мужиковатая! некрасиво же? Неужели не слышит? для девушки! Вот хабалка!

Он, наконец, решил рассмотреть, что там за фотка. И его прошиб пот. На фотке был изображён он в окружение семейства. И сделана одна была сегодня, на Дворцовой, всего несколько часов назад.

Потом он написал Никите, адъютанту, попросил узнать, где сделана фотка, с какого телефона и где этот телефон сейчас.

Потом от расстройства накатил без закуски и зашагал по номеру туда-сюда.

Никита все узнал, телефон находился в Питере, и генерал попросил выяснить, что за номер, и можно ли его проследить?

- Тарищ генерал, незаконно же, гражданский же номер.

- Ты, Никита, не умничай давай исполняй! - сказал генерал и бросил трубку.

Через полчаса Никита позвонил, уточнил координаты, объяснил, как подключиться. И когда уже все сделали, спросил:

- Андрей Валерьевич, а вы знали, что это Олин телефон, да?

- Олин? Какой Олин? - то ли он был пьян, и ничего не понимал, то ли совсем запутался - эту фотку Оля сделала? Сама?

- Ну, номер, к которому вы сейчас подключились, это Олин номер, да.

- Она что в Питере?!!

- Ну, я не знаю, но могу узнать - адъютант с той стороны тоже совсем потерялся.

- Стоп. Никита, всё! Не парься! Разберусь. По крайней мере за мной никто не следит, это же главное?

- Так точно - вежливо ответил парень.

- Ну и отлично. Спасибо. Отдыхай!

Значит, я сейчас слежу за Олиным номером, и он находится в Питере...

И она видела меня с домашними на Дворцовой. Вот писька малолетняя! Сцены мне будет закатывать!

Он ещё немного походил туда-сюда. Потом не выдержал и все-таки написал:

"И что?"

Она снова не ответила.

И тогда он включил программу слежения. Телефон двигался где-то по окраине. Через десять минут он выехал за город. И неуклонно удалялся. Ещё через десять минут генерал все-рьез заволновался.

Мало ли что придет в голову этой чокнутой девице! Она вон на войну ездит, как на работу.

А вдруг она пьяная, он знал уже, как она провела ночь после их знакомства. Теперь уже генерал стал бояться, что она остановится. И накаркал.

Точка на карте замерла, ещё чуть подвигалась и остановилась. Теперь уже генерал не находил себе места и не мог остановиться, все ходил и ходил по номеру.

Воображение рисовало ему картины одна страшнее другой, самой невинной была картинка, где её приковывают к батарее в холодном подвале.

В конце концов он не выдержал, быстро оделся, написал записку, что у него проблемы с погрузкой, чтобы ложились, вызвал такси и выдал таксисту координаты.

Только одного он боялся во все время в пути, как бы не было поздно, и ещё об одном жалел всю дорогу, что не было оружия.

Глава 8

Бабушка, к которой ездили Олины приятели, была персонаж примечательный. Оля регулярно слышала о ней, с тех пор как познакомилась с ребятами.

На свадьбу они специально заезжали к ней в больницу. Что удивляло - раз, и свидетельствовало о её чрезвычайно высоком статусе - два.

Притом, что она к тому уже времени была какой-то нереальный долгожитель, и тогда уже перевалила за девяносто.

Оля ехидно звала её про себя "рождённая революцией". Хотя объективности ради её следовало бы звать "дитя войны" Но даже этот образ сильно отдавал нафталином.

Оля поначалу согласилась на эту поездку только по той причине, что Викин "старик" должен был тоже туда приехать. Ну, а уже после Дворцовой ей было вообще пополам, куда ехать.

Они ещё куда-то заезжали, Ваня выходил минут на двадцать, потом проснулся мальчик, где-то они останавливались, меняли памперсы. В общем, пока её не трогали, она отсиживалась, как после удара. Ваня принёс ей бутылку пива, и это оказалось очень кстати.

И когда они доехали до бабушки, Оля уже чуть-чуть оттаяла. Тем более, что генерал прислал записку, и ей удалось его пнуть в ответку. Месть, как лекарство от депрессии, сильно недооценивают.

Бабушка встретила их как родных, всех обнимала и целовала, даже Олю, но фаворитом её бы конечно Юрочка. Они мгновенно законнектились и как-то уединились.

Родители выключили турбо и потихоньку начали хозяйничать. Вика загремела кастрюлями, Ваня принес огромную охапку дров. Олю усадили в тихий уголок чистить овощи, Ваня принес ей вторую бутылку пива, и открыл свою первую.

- Глафира Андреевна, вы будете пиво? - громко спросил он. И Оля выпучила на него глаза " Она что пьет?!!" Ваня лукавого сощурился.

- Ванечка нет, не буду, я со всеми потом чего-нибудь выпью.

Оля была в шоке. Старушка оказалась тот ещё одуванчик.

Они сидели с малышом на диване, как две выпадающие из жизни субстанции: одна ещё "недо", другая уже "пере" – каждая их которых была для Оли непонятной, если не чуждой, не интересной, немного раздражающей, хотя почти безразличной. "Чего они все в этом находят?"

Она вернулась к овощам: полведра картошки, килограмм лука, полтора - моркови, свеклы тоже чуть ни килограмм.

Вика крупно порубила тушку цыплёнка, вымыла и всю отправила в кастрюлю. Кастрюля на плите стояла чуть ли не ведерная, и Оля спросила, что же за эскадрон они планируют кормить сегодня вечером.

Вика осмотрела свой привычный объём работ:

- Мы всегда так, мы готовим ужин на сегодня и супчик на завтра с утра, все придут поправить здоровье.

- А все это кто? - уточнила Оля.

- Ну, гости - Вика уловила раздражение в вопросе и решила объясниться - Я сюда езжу - от Юрочки отдохнуть, Глафира его обожает. У Вани здесь дядька живёт по соседству, они придут на ужин.

- Они?

- Они, да, он там не один живёт.

- И сколько же их будет?

- Ну, три-четыре человека, и нас четверо...

- И часто вы так?

- Нет, не часто, может раз в месяц, летом чаще, летом мы почти каждую неделю катались. Тут еще озеро недалеко, много народу приезжает. К ней любят ездить. В общем, это долгая история, сама все увидишь.

- А что у бабушки своих-то детей нет? Что она собирает посторонних?

Вика сначала распахнула глаза от неожиданности, на минуту застыла, а потом все-таки ответила:

- А Глеб и есть её внук.

"Глеб, Глеб..., а Глеб!"

- Этот твой интернет-гений?! Её внук?!

....

Генерал высадился из такси метров за двести от координат, подождал, когда машина уедет и двинулся по улице в нужную сторону. Место было обжитое и довольно хорошо освещённое. Участки большие, густо уставленные соснами, для лазанья по соснам и заборам оделся он, конечно, не очень.

Других путей было два: сделать вид, мол, живу я здесь, и просто пойти мимо, и второй, постучать на дурака к соседям, и спросить мол, где хозяева.

Примерно в заданном месте была припаркованная машинка, такая скорее дамская, красный минивэн. Внутри он рассмотрел детское кресло. Как ловко шифруются, подумал он, и искоса стал рассматривать объект.

Дом был довольно старый, из советских дач, хотя в хорошем состоянии, и это его тоже насторожило.

Окна в доме светились, но были зашторены. Свет не горел только в мансарде. Топилась печь. И в доме, и где-то ещё в глубине участка. Ему показалось, что разговаривают. И даже как будто женщины.

Он прошёл мимо и ещё какое-то время все в том же направлении, пока не уперся в поворот улицы, завернул, постоял и решился пройти в другую сторону.

Теперь уже он изучал возможности подойти вплотную. Ну, вот тут можно подскочить и дотянуться, там второй забор, но там уже не на свету, есть пространство для манёвра.

Он осмотрел соседние дома, светятся два напротив и ещё три по этой стороне. Но в одном месте он видел табличку охранной фирмы, так что максимум полчаса.

Машину что ли угнать? - он подумал на минивэн - никогда такую не водил, интересно, только такая маленькая!

С другой стороны, да и пусть приедет охрана! Посадят! в его звании, как-то не солидно. Ну, будем решать проблемы по мере их поступления.

В это время у него за спиной хлопнули двери, он вздрогнул, но продолжил движение. Его обогнали два мужика, с какими-то сумками. Они что-то говорили между собой про пилу, которая сломалась и новую цепь. И ещё про какую-то машину, которой осталось только развал-схождение отрегулировать. И генерал почти что поставил им пять с плюсом, если бы они не свернули в тот самый дом.

Ещё два мужика. Ммм, бедная моя девочка. Может, там бордель?

Они запросто открыли калитку каким-то простым движением, протопали через весь участок, и постучали только уже в двери дома. Да и то вошли, не дожидаясь ответа.

«Ну, что ж это облегчает задачу...Беспечность - друг шпиона»

Он ещё раз мысленно прошелся по маршруту.

Осталось узнать, где её держат. И он написал: " Олюшка, девочка моя, тебя где держат? Я здесь недалеко, на соседнем участке, если можешь, подойди к окну, будем думать, как тебя вытаскивать "

Он отошёл в тень дома напротив, так чтобы были видны окна по двум сторонам дома и стал ждать.

Расчёт был такой, если телефон всё ещё у неё, то подойдет она, если нет - всё равно кто-то подойдет, и будет пялиться на соседний участок. Тогда... Тогда будем посмотреть...

Он приготовился.

Неожиданно, двери дома открылись и на веранду вышла его Олечка живая и невредимая. Она накидывала на ходу куртку и озиралась по сторонам. Как раз в сторону участка, на который он намекал в записке. Потом она спустилась на дорожку, дошла до калитки и вышла на улицу.

Генерал остолбенел, и не мог произнести ни звука. "Вот дурррак!"

Его позиция в тени дома делала его совсем незаметным, и он даже подумал, может свалить по-тихому от такого позора. Но это показалось ещё глупее, и он тихо, почти шепотом позвал "Оля! Олечка! "

Оля недоверчиво повернулась на звук, и без паузы метнулась в его сторону, с разбега врезалась в него, и повисла, обнимая со всем таким знакомым уже темпераментом.

"А, нет, похоже, не дурак!" - одобрил себя генерал и заулыбался, отвечая на ласки.

- Как ты меня нашёл? Я думала, ты вообще меня забыл! Я чуть с ума не сошла! Я такая думаю, ну все... А у меня в голове... А ты где попало... И потом... Сколько можно..., надо же предупреждать...

Короче, генерал подумал, что схема рабочая, надо запомнить и пользоваться при случае.

Глава 9

- Давай войдем, там нормальные люди. Там баню топят, там женщины и дети, все как ты любишь.

- Нет, Олюшка, не хочу, неудобно. И дома меня ждут, я сказал, что поехал решать проблемы. У меня там семья, ты же уже знаешь. Завтра вечером они уже уезжают.

Оля надулась, а генерал продолжил:

- А у нас с тобой будет ещё два дня, и даже двое полных суток. Не жадничай. Я же не мальчик тебе. У меня обязательства... Ну всё, не дуйся, перестань, давай вызови мне лучше такси.

Оля достала телефон:

- Я адрес не знаю...

- Давай, давай, Олюшка, - и он подтолкнул подружку к дому.

В то же время с другой стороны к дому подъехала машина, из неё вышел длинный и тощий, как циркуль, человек, и к калитке они подошли практически одновременно.

- Здравствуйте, дорогая Оля! - сказал человек, Оля непроизвольно вздрогнула и прищурилась в темноту, "где-то встречались?"

- Мы знакомы? - вежливо улыбнулась она.

- Пока нет, сейчас выйдет Вика, и нас обязательно познакомит.

- Ааа - догадалась Оля - Вы, наверное, Глеб!

- Совершенно верно - манерно поклонился циркуль, и протянул руку, сначала Оле, а потом её спутнику:

- Глеб - представился он и генералу ничего не оставалось как пожать и представиться:

- Андрей.

- А по отчеству?

- Андрей Валерьевич, тогда и ваше отчество.

Парень тормознул, потом кивнул и представился снова:

- Глеб Евгеньевич. Ну что, войдем?

Оля в замешательстве повернулась к генералу. В это время на крыльцо выскочила Вика, и пулей пролетела десять разделяющих их метров, на ходу вдевая руки в рукава пуховика.

- Глеб, вы уже приехали! А я там на кухне, посуду...Ой, Оля... А это Глеб, а я хотела вас ... Здрасьте - вежливо кинула она незнакомому дядьке.

- Да, Вика, мы уже познакомились. И даже собрались войти в дом.

Вика с готовностью развернулась, и все двинулись было за ней, но генерал удержал Олю за руку.

- Ой, Вика, а мы хотели..., скажи адрес..., мы хотели такси заказать.

- Сюда? Зачем?

- Андрей Валерьевич уезжает...

- Ааа, да? Вы не зайдете? Я думала, вы к бабушке, или к дядь Юре - по выражению лиц она поняла, что ляпнула что-то не то.

- К бабушке? - переспросил генерал.

- Вика, - вклинилась Оля, пока не было сказано ещё что-нибудь лишнее - это Андрей Валерьевич, я тебе про него говорила...

Она остановила на Вике долгий взгляд, пока не увидела понимания в глазах подруги.

- И он сейчас уезжает домой, и поэтому... мы хотим вызвать такси...

Глеб неожиданно резко продиктовал:

- Центральная 24 - взял под руку Викусю и собирался увести её в дом.

Но она не ушла. Поняв, что сделала что-то бестактное, она хотела загладить:

- Хотите, я вас увезу? Мне нужно только Ване сказать и бабушке.

- Оль, это далеко, это в город.

- Да? В город? Ну, что давайте хоть тогда поедим, мы ещё не успели.

- Да, девочки, зачем такие сложности, Оля, вызывай такси.

- Уже даже мне стало интересно, что там за кавалер держит девочек на морозе - от веранды раздался голос пожилой женщины и засветился огонек сигареты.

- Глафира Андреевна, он не хочет войти - пожаловалась Вика.

- Ну, не хочет, значит - не хочет, что вы пристали к человеку? А что он хочет?

Генерал про себя хмыкнул. А Вика продолжила:

- Он хочет уехать -

- И что ему мешает?

- Мы пытаемся вызвать ему такси.

- Ну и как? Получается?

- Пока нет.

- Что так?

- Не понимаю, уже вторую машину отменили - сказала Оля, не отрываясь от экрана.

- Не удивительно. В такое время... Выходной. Обратно пустым. Никто не хочет. Я сама столько раз попадала. Может, вы хоть на веранду поднимитесь?

Им пришлось подняться. Генерал, по правде говоря, промерз уже так основательно, уже и девочки притопывали, и бабушка докурила. Ну и когда третья машина тоже не поехала, они всей гурьбой ввалились в дом.

Пожилая хозяйка и новый гость вежливо обменялись рукопожатия и именами-отчествами чуть ли не в проеме дверей.

У порога их встретили малыш и его папа:

- А мы как раз собирались пойти глянуть, кто это нашу маму морозит? А это оказывается... Товарищ генерал-лейтенант...

У генерала екнуло в груди. А парень вытянулся в стойку смирно, хотя это было довольно сложно с ребенком на руках, который совершенно не понимал эту команду.

- Вольно, вольно, дорогой. Я здесь прямо по очень штатском делам - смутился генерал.

- Есть! - ответил парень и попытался сделать вид, что не знает звания этого гостя.

Циркуль, Глеб Евгеньевич, с интересом наблюдал эту сцену. И следующую, когда неожиданные гости пытались приткнуться куда-нибудь свои замерзшие и местами рассекреченные туловища.

Их усадили за стол, налили по рюмашке, накормили чем-то ароматным и овощным. Оля расслабилась и вроде бы успокоилась. Генерал тоже отогрелся и после второй рюмки почти освоился и начал одобрительно осматриваться.

Вика хозяйничала. Молчаливый циркуль лениво ковырялся в тарелке, и оживлялся только когда Вика или бабушка к нему обращались. Парень с ребёнком общались больше с бабушкой.

И тут двери распахнулись и в дом ввалились два распаренных, красных и оживлённых перца и с порога засыпали присутствующих впечатлениями: отличная баня, хороша! горячая ещё, веник только нужен новый, кто следующим идет париться, "Ваня пойдешь? Сходи дорогой, вон Глеба с собой возьми"

Глеб категорически скрестил перед собой руки. А Ваня сказал:

- Я бы попарился, Вика, пойдём Юрку попарим? помоем? Что? Ему понравится, тебе понравится? - спросил он, ребенок кивнул на все согласный - ну, вот! хоть посиди с нами, Я попарюсь.

Вика почему-то смутилась.

Дядька уперся взглядом новых гостей, и вдруг поменялся в лице.

- Таришь генерал, я ведь не ошибаюсь?

- Так точно, но это секрет.

- Понял. Разрешите обратиться?

- Андрей Валерьевич.

- Понял, я товарищ генерал под вашим руководством ещё из Афгана в 89 году выходил.

- Ну, я тогда генералом не был.

- Ну и я тоже майором.

- А в каком ты полку...

- Сорок пятый, рота спец минирования.

- Так ты реально под моим началом служил?!

- Так точно. Я ж говорю. Я глазам не поверил. Вы у нас в семье легенда, мы потом в Чечне рядом служили, правда уже в разных подразделениях. А в Сирии у вас мой товарищ служил, я уже дембельнулся, но там он уже у музыкантов служил.

- А этот парень с ребенком? Он меня откуда знает? Он меня прям узнал.

- Ваня? А он тоже в Сирии был в позапрошлом году. Вы же и там легенда, они своих героев знают, он там полгода у музыкантов пробыл, у него отец там служил тоже.

- Да ладно! Этот мальчик? Ему же лет двадцать?

- Двадцать один. А тогда было девятнадцать, да... Долго рассказывать. Так Вика же к нему туда ездила!

- Вика, эта девочка, мамаша? Вика? - генерал недоверчиво осмотрел майора.

- Да, она такая, Вика-Викуся.

Мужики расслабились, сидели рюмка к рюмке, говорили в полголоса, считай шептались. Получилось душевно.

Генерал позвонил жене, и почти без вранья сказал, что такое дело и надо посидеть, составить компанию. И приедет, как сможет.

Оля о чем-то говорила с Циркулем, Витя - едкий развлекал Бабушку, неловко пряча свою неживую руку с глаз долой. И генерал спросил:

- А что у твоего товарища с рукой, у него ведь военная травма?

- Так точно. А у нас тут целое подразделение одноруких бандитов. Мы тут автосервис организовали. Такой! хороший! Мастерство не пропьешь. У нас парень-директор - деловой пацан, как-то с ним хорошо получается, и заказы есть всегда, и сборы делает, и знаешь... знаете, он сварщик офигенный! - печурки варит: чтобы в блиндаже греться, штук двадцать уже сварили, парням на передовую. Три буханки из говна собрали, за ленточку отправили. Щас коптеры начали покупать, но это дороговато нам пока.

- А кому отправляете?

- Да вон Ванькиному отцу, он же опять воюет, неугомонный.

- Вани? Этого парня? Отец? Так ему сколько лет-то?

- Так он добровольцем ушёл. Он же сапер, как и я, мы с ним вместе из Афгана и выходили под вашим началом. А мы то тут в тылу сидим, что безрукие все, нестроевые... А так бы все уже тоже умотали воевать.

Вернулись ребята из бани, сами румяные, с румяным ребенком на руках. Вика отправилась укладывать дитя. А Ваня присоединился к пирующим. Спросил, кто ещё пойдет в баню, генерал с Олей переглянулись, и не стали светиться.

Дядь Юра, седой майор, поднял тост за тех, кто в сапогах. И все выпили без комментариев. Уже закусывая майор горестно вздохнул:

- Эх, девки, девки, вы даже не понимаете, каких мужиков на себя затаскиваете?!

Оля при этом осмотрела присутствующих: Вика укладывает ребенка, бабушка при любом раскладе на девку не тянет, и наезд вообще-то по всему был обращен к ней.

Она даже задохнулась от такого хамства. Но тут за неё вступился генерал:

- А эта девка тебе не какая попало девка. Эта девка тебе, товарищ майор, военный репортёр, на минуточку. И она своего раненого оператора с поля боя можно сказать на себе вытаскивала...

За столом повисло молчание...

И все уставились на неё в каком-то ошеломлении... Это было так некстати, потому что у неё от обиды, или от защиты, или от воспоминания навернулись слезы, и она не знала, как их удержать. Не удержала.

Майор крикнул от неловкости, поднялся, чтобы разлить по рюмкам и так и остался стоять:

- За Олю! - Юрий поднял свою рюмку.

Генерал тоже поднялся и поднял свою рюмку:

- За Олю!

Следом встали со своих мест Ваня, дядька с искусственной рукой и Викин Циркуль Глеб:

- За Олю!

Все протягивали к ней свои рюмки, чокались, а у нее текли слезы, которые никак не кончались.

Она в который раз вспомнила ту женщину, что мыла посуду в прифронтовом кафе своими горькими слезами.

- За тебя, Олечка - последней чокнулась с ней Бабушка. Для этого она выбралась со своего места, обошла полстола, обняла её за плечи, и как-то душевно так и постояла с ней рядом минуту.

Все уселись обратно, Оля тоже села, ей подложили закуски, подлили газировки, заговорили о чем-то другом, а Оля все сидела, и слезы все текли, пока сами не кончились, минут через семь, или больше.

- Прости, дочка, что я так неловко выступил, - маленький майор подошел к ней, с рюмками и они выпили еще, за мир.

Ей как-то полегчало. И она подумала, все-таки Вика знает с кем дружить.

Глава 10

Глебу не понравилось.

Хотя он вставал, произносил, и чокался.

Во-первых, не хотелось обижать любимую бабушку. Она его так одобрительно обнимала.

Во-вторых, Вика так радостно заглядывала в глаза, в смысле, "скажите здорово?!"

Ещё он собирался познакомиться с дерзкой подругой Вики, и познакомился, и даже не был разочарован.

И все-таки, ему не понравилось.

Она оказалась острой и быстрой на язык, и такой красоткой! Они с ней успели поговорить, пока герои вечера шептались на той стороне стола.

А семейство Вики мылось в бане, о чем он тем более не мог думать!!!

Ольга была чем-то расстроена, но все равно говорила с ним хорошо, дружелюбно.

"Как вас туда занесло? "

"Не одобряете?"

"Удивляюсь..."

"Все говорят, не женское это дело..."

"И это тоже"

"А что ещё? Обычно говорят именно это"

"Я бы меньше удивился, если бы вы оказались с другой стороны"

" Ааа, вон вы о чем... А вы бы оказались на той стороне? "

"Я надеюсь, вообще избежать участия в этом деле"

Оля подставила свой бокальчик, Глеб плеснул, они накатили.

"Вика вас обожает! Она только о вас и говорит! "

"Да? И что же она рассказывает?"

"Она рассказывает, что вы Карабас Барабас нашего русского интернета! Это правда?"

"Ну, почти"

"Да? Значит это правда. Я думала Вика сгущает краски, как всегда..."

"А она сгущает?"

"Ну, она любит... Про меня она сказала своим подписчицам, что я ведущая журналистка ведущего канала...в самом сердце Урала"

И Оля засмеялась.

"А про Ваню, что он руководит группой, которая сделает наш химпром круче китайского!"

И Оля снова засмеялась и снова подставила бокальчик. Глеб снова плеснул, и они снова накатили.

"И это не правда?" - спросил Глеб.

"Ну, это большие преувеличения!" - ответила Оля.

"То есть вы не ведущая? Или не журналистка? Или не в центре Урала?"

"Ну, я просто журналистка... Я просто военкор у них единственный... А Ваня просто подающий надежды химик-технолог, и делает какие-то открытия на стыке физики и химии. Просто у него руководитель очень крутой. Лучший в стране. Вы не знали? А Вика у них отвечает за физику: все учит, все сдает, все знает. Все темы ей Никифоров спускает, это Ванин научный руководитель. Так что и Вика в их открытиях принимает непосредственное участие. А вы не знали? Ну, вот теперь знаете"

Глеб почему-то расстроился. Муж обретал какие-то совсем реальные очертания. Слишком даже реальные.

"А вы насколько Карабас Барабас нашего интернета? "

"Ну, процентов на шестьдесят" - Глеб как-то мгновенно устал от девушки.

"Оо! Это очень большой процент! Я думала процентов на тридцать. Но знаете, даже если бы было процентов на тридцать, то это все равно было бы по-настоящему империей. Мой вам респект"

"Спасибо!" - Глеб улыбнулся чуть-чуть.

Чуть-чуть, потому что настоящей уважухи к императору так и не услышал.

"Так как же вас все-таки занесло на войну? Раз уж вы знаете, что это не женское дело. Почему? Что заставило? Кто повлиял? Нет ли желания вернуться в мирную жизнь?"

"Ну, причины были личного характера, никто не заставлял, я сама это выбрала... Хотя сейчас, я бы, наверное, этого не сделала..."

"Да? Почему?"

"Потому что очень много страшного"

"Зверства?"

"Ааа, вы об этом... И кто вы думаете зверствует? "

"Я думал, вы скажете"

"Того, чего вы ждете, я не, скажу, я этого не видела, я видела эвакуацию после бомбежки... Это очень страшно! "

"А вы думали будет как-то иначе?"

"Я не знала, что это все так буднично страшно"

"Например?"

"Например, моему университетскому товарищу оторвало ногу, а он был самым красивым мальчиком на курсе!"

Оля сказала об этом жестко, безжалостно глядя ему в глаза.

Глеб изменился в лице. И они как-то довольно быстро свернули беседу.

Тем более, что вернулись Вика с Ваней и с Юрочкой. Все опять начали водить хороводы вокруг их семейки.

И ему не понравилось!

Всё дело было в этих дедках, на той стороне. В повестке, которую они принесли с собой, и которая, вытеснила его на обочину вечера. В том, как легко смирились с этим женщины.

А это он должен был быть гвоздём этой программы!

Это были его женщины,

его аудитория,

его триумф!

Он вложил в это достаточно сил! Времени. Души. И чего уж там, бабла!

И тут вдруг эти патриоты, мать их! Только что гимн не пели!

Это было так чуждо всей его космополитической сущности. С Монако и Сан-Тропе в голове, с его кашемировым пальто, и ботинками от Клеверли. С дорогушим айфоном. С Куршевелем на Новый год!

Так не совпадало с его привычками чувствовать себя европейцем в провинции. VIP клиентом. Обитателем фешенебельного квартала у родни в Бронксе. Владельцем всего самого лучшего, что...

Что даже где-то разочаровывало.

И дело было не только в гостях.

Бабушкины приятели довольно часто удивляли его своим..., своей, скажем так, неоднородностью. В социальном плане она была так неразборчива, просто на грани с дурным вкусом! Ну, старый человек, что с неё взять? всегда такая была!

Но то, что Вика - Вика! - готова была поставить его на одну доску со всем этим сбродом. И не просто была готова, а реально ставила и сравнивала. И похоже выбирала. Она выбирала их! Она! Их! Пипец!

Она! Выбирала! Кто такая вообще?!

Мало того, что у нее был ребенок!

у которого был отец!

так ещё у отца был друг!

который воюет!

а у друга - командир!

который командует чуть ли не армией!

у командира - девица - военкор!

а у той - оператор, которого выносят с поля боя раненого!

после чего поют гимн!

и поднимают рюмки стоя!

Пипец!

Застрелите меня!

Когда весь его - его! - круг эту войну осуждал!
и замалчивал! (вежливо замалчивал!)

Разум протестовал, поднималось негодование, досада и раздражение. Против всего этого верноподданнического клуба, клуба, кружка бабусиных гостей!

Все эти подвиги, мужские слезы и сусальные душевности, весь этот жар сердец!! казался ему какой-то деревенской похабщиной! Соцреализмом из детства.

Все это противоречило его, с таким трудом воспитанной западной холодности и прагматизму. Такому по-эльфийский сдержанному аристократизму.

Весь этот дружный коллектив лишал его главного преимущества, которое он приобрёл за годы своего взросления, мужания и зарабатывания денег - снисходительности.

Снисходительности успешного человека. К этим!

Снисходительности и правоты.

Правоту излучали дедки, а все остальные с готовностью соглашались.

И это выбивало почву у него из-под ног.

Это лишало его уверенности в себе.

Все что он считал плебейской массовой, которой он продавал свои вебинары. Свои марафоны. Свои успехи. Картинки. Образ жизни. Эталон потребления.

На вершину которой так долго шёл, десять лет своей жизни шёл. И вот когда он почти добрался. И стал получать удовольствие.

Эта массовка с лёгкостью переметнулась!

Теперь она с таким же восторгом заглядывает в рот патриотам! Сладострастно поет "Встанем!" Плетет сети и варежки и варит, мать ее! варит печки "бойцам на передовой"! Пипец!

Ну, массовка, ну ладно! Но что его родные! женщины так его предадут!!! С такой лёгкостью примут сторону тех, кого звать никак! Кого он за ровню никогда не считал!

Что его женщины даже мельком не прислушаются к его мнению! Что им в головы не приходит, что он может быть против этой войны, этого противостояния с Европой, этой возни вокруг суверенитета.

Что даже на минутку не задумаются, сколько он вложил, чтобы стереть клеймо совка! Чтобы стать европейцем! стать тем, кто он сейчас!

Он с грехом пополам дождался момента, когда можно будет вежливо уйти.

Еле отделался от Викиных ухаживаний.

Категорически отказал бабушке в просьбе на ушко увезти генерала в город. "Бабуля, пусть возьмет такси! "

И сбежал с вечеринки раньше всех, выдержав напоследок ещё групповое рукопожатие патриотов.

Да, не так он видел продолжение этого вечера, свою роль во всем этом, свою роль вообще в жизни этих людей, и уж тем более свои отношения с Викой!

Как раз сейчас он понял, что планы у него были сильно больше тех в которых он сам себе признавался.

Несколько дней подряд он провёл в пьянстве и грубой рефлексии по поводу своих женщин.

Он на триста раз прокрутил в голове кино про то, как познакомился с девочкой, которая, как и бабуся, вечно выбирала не тех!!!

Хотел просто пролистать. И как всегда опять утонул. Злился, бил в кольцо на площадке, бил боксёрскую грушу в спортзале, стучал в барабаны под синтезатор в своём роскошном и пустом особняке в Вырице.

И опять вспоминал, как они познакомились, какой дорогой получился романтик, опять злился, опять бил в кольцо, в барабаны или в грушу, или ещё как-то активничал.

....

Это случилось в середине лета два года назад, когда показалось, что вопрос с пандемией рассосётся, границы открылись, самолёты полетели, поезда, все такое...

Граждане активно потянулись в отпуска. Российские курорты вызвали большие сомнения, европейские - ещё бОльшие опасения, и люди, привыкшие к "космополитан лайф" оказались перед новой для себя проблемой - где осесть?

Глеб приехал к бабушке. "Не было бы счастья, да несчастье помогло"

Подарил бабушке новые очки шикарные - европейский шик, и оплатил работы по установке септика.

"Ба, ненавижу твой туалет на улице! ну, не в советском союзе живём!"

И на время раскопок, монтажа, и прочих ремонтных работ, снял в Вырице этот самый дом, который мерил теперь шагами в одно лицо.

Домина был огромный, в три этажа, верхний из которых он занял сам. Бабушка поселилась на первом.

А чтобы она не заскучала без своей вечной тусовки, все-таки работ предполагалось на месяц-полтора, предложил поделить выходы, а встречаться на нейтральном втором этаже.

Так бабуля получила практически отдельный отэ-ээ-эльный отдых, сохранив возможность приглашать своих многочисленных гостей.

Он поначалу совершенно не интересовался ее гостями. Недельку тупо бухал. Встретился, наконец, с несколькими своими давними он-лайн приятелями. Потом несколько дней отлеживался.

Вызывал банщиков, ездил в бассейн, ходил на тренажёры, даже заказал себе учителя танцев, но после второго урока передумал. Заскучал.

Попробовал читать, работать, поболтал с бабушкой, погулял по округе и заскучал ещё сильнее.

Решил было поискать в интернете что-ни...

- Вань, Ва-ня, захвати ещё одну соску!

"Пф! Соску! Соску?" -, но каков голос, он выглянул в окно.

....

И его ударило током.

Ну, как говорят, громом поразило!

В общем, то, что он увидел поразило его как громом.

Или это был солнечный удар?

На лужайке под окном стояла немыслимо красивая женщина! Просто Прекрасная! Блестящая! Восхитительная! Обворожительная!

Ну, как женщина, девушка, почти девочка. При этом декорации в стиле сталинского ампира, делали ее похожей на мечту сталинского же номенклатурщика.

Что-то... Что-то такое... из утомлённых солнцем, что ли??

Он только через минуту осознал, что она не в шляпке, не в шифоновом платье. И не в туфлях даже. Просто в белом.

Майка, бейсболка, длинные шорты, кеды, притом довольно массивные. И грация. Как можно быть грациозным тупо стоя? Вот стоит человек, и от него не отвести глаз. Как?

Сокрушающая женственность, ну, если такое бывает. Обезоруживающая.

Девушку хотелось обнять, укрыть от бурь и невзгод, защитить, даже если для этого пришлось бы эти невзгоды и бури самому организовывать.

Одна деталь, и этого он сразу почему-то не заметил, или не запомнил?

В руках у нее была не теннисная ракетка,
и даже не бадминтонная.
не полотенце,
не стильная сумка от Гуччи,
или там плед,
или кружевной зонтик,
не поднос с фарфором,
или там корзина с фруктами,
не веер,

или что там ещё держат в руках романтические девушки? самовар...?

У нее в руках был ребенок!! И довольно маленький, ну, сколько мог судить Глеб, просто ещё совсем!!! Хотя, что там мог судить Глеб!! Он их в глаза не видал! Тех детей!

И эта деталь вызывала какое-то беспокойство, что ли, и даже, наверное, некоторую досаду... и раздражение, но такое, совсем смутное, на грани предчувствия.

И вдруг он осознал, что все это время девушка смотрит прямо на него. На Глеба. И так прямо, что Глебу стоило усилий не отпрянуть от окна и не спрятаться за занавеской.

Что за лицо! Ну что за лицо!!!

- Вика нету тут сосок, у себя посмотри! - ответил низкий, слегка даже раздраженный, хриловатый басок, этажом ниже.

И фея перестала смотреть на него.

Она очень ловко перехватила ребенка. Смахнула рюкзак со спины на кресло, и одной рукой уверенно нащарила что-то в недрах довольно большой для девушки сумки.

Она почти не глядя махнула рукой в их сторону. В их - это значило, в сторону дома и окон.

"Нашла соску" - подумал Глеб. И тут же вспомнил про басок этажом ниже.

Через минуту басок воплотился в реальную фигуру.

Перехватил у девушки рюкзак, потом ребенка.

Потом они что-то в полголоса обсудили, и девушка сбегала в дом.

Потом они направились к выходу напрямик через всю лужайку.

У Глеба что-то ёкнуло. И он, не отрываясь смотрел за парочкой пока те не исчезли, наконец, из виду...

Скуки как не бывало.

Но настроение было испорчено.

Парень был так же прекрасен. В движениях, в фигуре, с лохматым своим чернявым чубом, такой же молодой, почти юноша, такой же загорелый, складный, стройный, просто длинный, свежий, праздный, прекрасный...

Н-да...

....

Бабулю он застал уже только на следующее утро.

Она что-то резала на огромной доске, за таким же огромным рабочим столом:

- Ба! Привет!

- Привет, дорогой - бабушка подставила щёку, не отрываясь от доски. Он чмокнул, подцепил с доски что-то..., оказалось, яблоко, и тут же, сунув в рот ещё кусок, и задал вопрос, из-за которого и спустился:

- А что там у тебя за прекрасная фея гостит?

- Фея... Фея?... которая из них? - бабушка сначала задумалась, а потом продолжила свое дело - ещё яблочка, Глеба? - и протянула внуку целую дольку, он тут же засунул в рот:

- Что готовим?

- М-м, шарлотку. Будешь?

- Не-а.

- А что будешь?

- В бассейн поеду, пока ничего.

- А что спускался?

- Узнать за фею.

- М-м... Понравилась?... Она замужем, ты знаешь?

- Догадываюсь...

- Пойдем, Глебушка, с нами завтракать, давно я тебя кашей не кормила.

И Глеб остался.

Они уже успели съесть кашу, заварили огромный чайник чаю, располовинили и успели оценить шарлотку.

- Почему так вкусно, бабуля? Мама же такую же пекла?

- Ты просто никогда не ел ее горячей - бабушка помахал ему ложечкой.

....

Девочка вышла к столу внезапно. Застала Глеба с набитый ртом. И ее даже никто как-то по-особенному на встретил.

- ...Потому что наше - пекло пироги... А ваше уже одни бисквитишки... Викуся, привет, кашу будешь? - ей указали направление, и все.

- Да... спасибо - и она положила себе такую нормальную порцию, уселась за общий стол. И удивительно красиво стала есть самую обыкновенную рисовую молочную кашу.

Бабушка молча показала на чайник, она кивнула, налила себе...

- Вика, пирога?

- Не, спасибо, побегу, Ваня голодный... И Юрочку пора кормить.

Глеб даже немного забеспокоился, но вежливая Вика посмотрела на него так же прямо, как вчера и сказала:

- Вы - Глеб. Я вас видела вчера. У вас комната над нашей. Бабушка про вас рассказывала, что скушает и ждет. Меня Вика зовут. Очень классный дом! – она вежливо улыбнулась:

- Глафира Андреевна, спасибо большое, я потом приду, приберу тут все, посуду помою - и ушла такая.

Нормально? Вот и познакомились!!

Через минут пять пришел красавчик Ваня. За которым, кстати, даже и поухаживали:

- Ванечка, пирога? - спросила бабушка. И уже кашу ему накладывали, и приборы лишние сдвигали.

Ваня тоже, прежде чем сесть, подал руку Глебу, представился, пробубнил что-то вежливое, мол, прикольное место.

Потом намазал огромный кусок хлеба маслом, и с большим аппетитом и довольно медленно, наслаждаясь разговорами тёток, обстановкой, природой, солнцем и летом, погрузился в еду.

Потом он встал, налил себе чаю и пересел на место кого-то из гостей, поближе к шарлотке, выбрал здоровый кусок и опять же с аппетитом и удовольствием продолжил завтрак.

Все это время Глеб присматривался к мальчику. С тех пор они, собственно, не виделись. И впечатления стерлись.

Вика в его представлении была замужем за неким молодым лошком, без роду и племени, который муж чисто номинальный, успехов не делает, опасности не представляет, и соперничать с ним, да вот ещё.

И тут вдруг такой удар! И лошок- не лошок! И Вика - не его Вика! Да и нужна ли ему такая Вика?! Вопрос.

Глава 12.

После завтрака они разъехались. Привели в порядок дом бабушки и уехали.

Командующий отправился к семейству, а Оля с ребятами - к ним домой.

- Андрей Валерьевич, ты обещал узнать про Пшеничного.

- Да, точно! - по глазам было видно, что думал он уже о другом. Но тут же набрал кому надо:

"Привет! привет, дорогой, как у тебя?.. Да, ничего, и тебе не болеть. Помнишь, я у тебя... Да... Да, спасибо... Хорошо. И адрес можешь прислать? И как он?.. Спасибо, друг, спасибо, мой дорогой...Как пацаны?.. Ну отлично! Молодцы... Рад был тебя услышать. Да, буду ждать..."

- В общем парню твоему ногу пришили, но он ещё год будет ходить в аппарате Илизарова, знаешь, что такое?

Оля покивала.

- Лежит он здесь в Питере в госпитале в Военно-Медицинской Академии, адрес я тебе перешлю днем. Можешь посетить, пока я занят. Ну, что? я могу ехать?

....

Но когда они попробовали попасть к Даниилу Пшеничному, все оказалось не так и просто. Она не родственница, не волонтер, не сотрудник.

Они с Викусей в растерянности застряли у проходной госпиталя.

Тут Олю в очередной раз удивила Вика. Возле них вдруг затормозил солидный BMW, из него вышел дядька, и кинулся обнимать Вику.

-Андреич? Миленький! Здравствуйте, как я рада вас видеть! - Вика тоже обняла дядьку, обрадовалась, просто засияла - Вы как здесь?

- Да здесь я! Здесь. Работаю. Я здесь и раньше работал.

- Прямо здесь? В Академии? Андреич, помогите нам! У нас тут друг лежит, в военной травме, а нас не пускают.

- Ну, правильно не пускают. Не проходной же двор. Как фамилия?

- Даниил Пшеничный - подсказала Оля, а мужчина наконец-то её увидел, оценил и одобрил.

Он набрал кого-то в телефоне, спросил фамилии, продиктовал и с улыбкой отключился – значит так, пропуска вам выпишут, я вернусь через три часа, найдите меня, прям буду рад, как Ваня?

- Хорошо, работает.

- Работает? Не на войне, значит... это хорошо... Это хорошо. А ты? Ты как? Красотка, прям ещё красивее стала, волосы тебе идут.

- Я в декрете. Как бы. У нас сын, три года почти...

- Да что ты?! Ай молодцы! Как зовут?

- Юра, Юрочка.

- Да что ты?! Это не в честь того Юры?

- Точно. Да.

- Да что ты?! Ну, молодцы! Как он? Как у него дела?

- Да мы в выходные у них были. Он в командировку собирается на Донбасс, часто туда ездит.

- Так он здесь?! Я думал, он уедет. Ну молодец! Значит, в командировку? На Донбасс! Как у него рука?

- Нормально. Он водителем работает. На вид так вообще не скажешь, что инвалид.

Оля молча узнавала для себя много нового.

- Так, Вика-Викуся, я сейчас спешу, вы давайте к своему парню, потом найдите меня. Или вот что дай-ка мне ваши телефоны, надо встретиться.

- Да! Игорь Андреевич, мы просто не знали, что вы здесь! И не искали. И не пытались - и Вика переслала ему целую пачку телефонов.

Он помахал, и погрузился в свою шикарную машину.

- Игорь Андреевич- крикнула ему вслед Викуся - я вашу фамилию не знаю.

Дядька почему-то засмеялся и крикнул:

- Новиков, Викуся.

....

Почему он засмеялся стало понятно значительно позже. А пока Вика важно предъявила паспорт, и сказала, что они от Новикова.

Охранник, строгий почти до хамства, сам выдал им бахилы и халаты, проводил до лифта и рассказал к кому обратиться.

Они поднялись на шестой этаж, дошли до поста и даже ещё не успели представиться, как сестра покивала им и сказала:

- Пшеничный в шестнадцатой палате.

И пока они шли по госпитальной коридору, настроение обеих падало все глубже и глубже вниз. Столько изувеченных мужчин ни Вика, ни Оля не видели никогда в жизни.

Кто-то сидел в кресле с родственниками. Кто-то ехал на коляске, кто-то ходил с костылями. И у всех не хватало каких-то частей тела. Количество бинтов и разнообразие культей ужасало и подавляло.

Понятно, что все неодобрительно оборачивались на двух красивых, нарядных и совершенно здоровых девушек.

Оля скорее хотела куда-нибудь дойти и спрятаться. И даже обрадовалась, когда они почти дошли до шестнадцатой палаты, но дорогу им преградил какой-то кривой человек и она не знала, как его обойти.

Неожиданно человек сказал:

"Оля! Дабонина! а я думаю, кто ко мне может здесь прийти?"

- Данила? Данечка! я тебя... не узнала...- Оля, преодолев себя, обняла почти незнакомого человека, и только по дрожи тела узнала мальчика, с которым рассталась на Херсонской переправе два месяца назад при таких трагических обстоятельствах.

- Как ты меня нашла? Как ты здесь? Как там наши? Я телевизор смотрю, а как там на самом деле и не знаю. Мы тут все к ящику привязаны.

- Пойдем сядем? Или тебе лучше лежать?

- Лежать лучше, но с тобой хочу посидеть... Здравствуйте, Данила - он наконец, увидел Вика, та покивала, пожала руку парню, и тоже представилась.

Они присели в холле на диванчик, и все эти люди в коридорах, наконец, потеряли к ним интерес. У красивых женщин тоже был инвалид, своё горе, и оно уравнивало всех, и здоровых, и больных.

....

Данилу увезли тогда на вертолете в Крым, оттуда прямым бортом сюда. Здесь его сам Новиков прооперировал, но времени прошло многовато, некроз начался, в общем ногу пришлось укоротить, и приживается плохо. Короче, ему ещё два года придется в аппарате Илизарова жить, чтобы вытянуть ногу до нормального состояния.

Он, по-простецки спустил штанину, и показал сложную конструкцию из спиц, торчащую у него прямо из тела почти от бедренного сустава и почти до коленного. Гордо пошевелил пальцами на ноге. Со знанием дела углубился в описание деталей конструкции.

Оля вдруг без подготовки разрыдалась, уткнувшись ему в плечо. Вика тоже тихонечко заскулила и зашмыгала носом.

- Больно? - спросила она, выбирая слезы.

- Ну, обезболивают. Все время на уколах. Да ну, перестань, я все равно рад, потому что своя нога, вон сколько парней вообще осталось без ног, без рук.

Оля снова осторожно посмотрела по сторонам. Это был совсем другой фронт. Другой солдат. Угрюмый, Несчастный. Деморализованный.

Она срочно чтобы отвлечься и не заплакать снова начала доставать из пакета какие-то вкусняшки. Яблоки, бананы, конфеты.

- Спасибо, - Данила все смотрел на Олю, как будто бы ждал, что она скажет что-то такое обнадеживающее - Ну как там? На фронте.

- Не была, Даня, на фронте уже две недели не была. Наши хреначат по инфраструктуре. По электростанциями. Я так понимаю, хотят им тёмную устроить. А то совсем не боятся. Чтобы боялись. Чтобы жизнь мёдом не казалась. Чтобы ни света, ни тепла, ни воды, ни сортиров тёплых, ни поездов рабочих.

- А что там в Макеевке в Новый год? Говорят, вычислили пацанов по телефонам. Говорят, сто человек убило?

- Да, я тоже слышала. Но военные говорят, что вряд ли. Не дураки же наши, все всё знают, все не первый день на войне. Думают, что ждуны.

- Ааа, да? Там-то откуда ждуны? Макеевка это же ближе чем Донецк?

- Я не знаю, Дань.

- Я знаю, я - донецкий. Там все наши.

- А я думала, в общем...не знаю. Ещё говорят, наши ЧВК Вагнер из Сирии вернулись, и из Африки своих подтягивают. Там правда живого места не осталось.

Даниил, тяжело вздохнул. Попробовал встать, и опять сел.

- А что Олечка, долго ещё будем воевать?

- Я думаю долго, Данька.

- Ну и ладно тогда. Что долго лечиться. Не хочу больше на войну!

- Так, а кто хочет?

- Да есть тут энтузиасты...

- Да? - Оля удивленно оглядела снова унылый коридор инвалидов.

- Да, тут к парням приезжали однополчане, скинулись, привезли мешок денег - на протезы - и мальчик вдруг неожиданно радостно засмеялся - реально мешок! мы все ходили смотреть. Такие теперь протезы бывают, ты не поверишь! И в колене гнутся и в щиколотки, или как там это называется... И так они быстро ходят на них. Но это, говорят, уже когда культы заживут, и болеть перестанут.

Даня вдруг оживился:

- Девчонки, давайте сфоткаемся вместе? Вы такие красавицы. Повешу, буду хвастаться. А то у нас один угрюмый мужской монастырь.

Девочки переглянулись. И Оля прокомментировала:

- Даня - бабник. Он пока был здоровый - ни одной юбки не пропускал! Хорошо, Данька, только сначала мы тебе голову помоем. А то ты ни на что не похож. А потом еще мы с тобой интервью запишем. И я твоим пошлю. И у меня будет репортаж. Чтобы страна знала своих героев! Только качество, конечно, так себе! - на телефон, практически на коленке...

- У меня камера хорошая, профессиональная! - вдруг очнулась Вика - Что? Просто качество должно быть! И у блогеров тоже. Мне этот телефон Глеб подарил... Можешь не пользоваться.

Конечно! Оля воспользовалась! Она наснимала и палаты, и постовую сестричку, и парней, хотела ещё главврача. И просто зависла. На двери главврача висела табличка И.А. Новиков.

Она сфотографировала табличку отдельно, и решила расспросить подругу попозже.

Потому что Вика была занята. Она перефоткалась со всеми Даниными соседями по палате, ещё несколько дерзких набежало из коридора, и она пообещала все выложить у себя в блоге, все истории рассказать, и ещё про протезы, которые гнутся, как настоящие.

Оле ничего не оставалось - только присоединиться. Вика буквально отнимала у неё хлеб. И просто делала её работу.

Вот так неожиданно и у Вики набралась целая серия фоток из госпиталя. И почти полсотни подписчиков.

Глава 13

Оля со своим генералом приехали к бабушке ещё раз, через несколько дней. Потому что теперь уже у генерала появились здесь дела.

Юрик собирался ехать в очередную командировку на Донбасс. Уже, собственно, сидел на чемодане, или на рюкзаке. Собрали машину...

- Во всех смыслах: и буханку очередную "бандиты" подшаманили, и сбор отоварили, ну и ещё Генка четыре печурки сварил...И вкусняшек полмашины... И ещё бабуси знакомые целую коробку носков навязали...И сети зимние, белые... - Юрик мог перечислять дальше, но генерал прервал его.

Генерал хотел передать одному комдиву посылку, ценную, тяжеленькую. На руках не увезешь. Подарок от поставщиков. С общим грузом будет ещё месяц телепаться. А вещь на фронте полезная, нужная уже вчера... И раз по дороге, он бы и бензин оплатил...

Юрик согласился. Договорились у Глафиры. И генерал тут же созвонился. Те обещали в течение часа - двух. Пришлось ждать. Тем более, что это не вызвало отторжения.

Генералу в целом понравился дом, тусовка, старушка - божий одуванчик. То, как она широко принимала гостей, как лихо опрокидывала свою рюмочку вместе со всеми. Хотя рюмочка у нее была мизерная, грамм двадцать, может пятнадцать, но после пяти - шести тостов это все равно превращалось в сто грамм. А в её возрасте...

Генерал осекся. По лестнице спускался этот длинный эстет Глеб. Взлохмаченный и сонный. В пижаме с медвежонком, обалдеть! это кто ж ему такую красоту...

- О, Глеб! Здрасьте, что вы тут?.. А что, Вика должна приехать? - радостно спросила Оля.

- Почему? - хором спросили бабушка и эстет.
Оля смутилась:

- Ну, я подумала, раз Глеб здесь...

- Вообще-то Глеб здесь бывает с Юрочкиного возраста. Я имею ввиду маленького Юрочку, лет так выходит тридцать - сказала бабушка, включая чайник и приглашая всех к столу.

- Точно, мне же Вика говорила, что Глеб ваш внук! - Оля опять невпопад смутилась.

Бабушка полезла в холодильник и со словами "Олюшка, помогите мне" выставила на стол масленку и вазочку с вареньем.

Она показала Оле, где взять чашки, ложки, хлеб для тостов, сам тостер, чайник для заварки, саму заварку, достала сыр, доску и толстую розовую ароматную докторскую колбасу.

Оля с восторгом вдохнула этот запах, отрезала кусочек, и быстро уснула в рот - "мммм?!"

Может от бабушки это не укрылось, и она спросила у гостей не хотят ли они каши? Молочной? Овсяной?

Все согласились, и она деловито и быстро загрузила в мультиварку все, видимо, что положено.

И пока Оля с бабушкой были заняты приготовлением завтрака, мужчины за столом зацепилась языками:

- ...Да с чего вы взяли, что Европа пропадёт? Триста лет весь мир заглядывает в рот Англии, триста лет оттуда диктуют, что в мире будут носить... Что есть, что пить, что курить! Весь мир говорит по-английски. Вы говорите по-английски?

- Ну, честно говоря, плохо.

- Оля, а вы говорите по-английски? - обратился он к девушке, когда та принесла к столу огромное блюдо с сэндвичами.

- Ну, тоже не очень. А вы?

- А я говорю по-английски. Я обожаю английский! Я на нём читаю, перевожу отлично. Я учу английский с пяти лет, я в школе пять лет ездил в Англию на стажировку, Я жил в четырёх семьях. У меня там квартира, знакомые и друзья. Мне там хорошо, понимаете? Я люблю Лондон! Я люблю Тауэрский мост так же, как Литейный!

Душа Глеба требовала сатисфакции:

- И вы мне теперь прикажете запереться в этой глуши?! А у меня тут клаустрофобия! Я привык ездить, путешествовать. Я перестал считать страны после тридцатой. Я ТАК хочу жить! Я хочу жить в большом мире! Что тут предосудительного?! Что плохого в Европе?

Бабушка уже сварила кашу, уже Оля всем поставила тарелки с едой. А Глеб все никак не мог остановиться.

- ... Все технологии, биржи, страховки, все денежные потоки замкнуты на них. А вы говорите маргиналы!

Весь футбол - это Европа.

Одежда от Гуччи...

Машины от BMW...

компьютеры, смартфоны, айфоны.

- Айфоны американские.

- Без разницы. Мерседесы. Да даже трубы ваши любимые! как там - запорная арматура и то не наша!

- Эт правда!

- Всё, Глебушка, всё. Завтрак. Генерал, пожалуйста - бабушка настояла, чтобы все замолчали.

Все замолчали. Но только на время каши. За чаем снова началось:

- Смотря что иметь ввиду под футболом. Спорт... чисто спорт... Или маркетинговый продукт - футбол как успешный успех - как инвестиции. Так вот этот успешный успех действительно порождение Европы, в широком смысле, как любой другой маркетинговый продукт, типа одежда от Гуччи...Галстук... как атрибут цивилизации, или пижама в медвежатах, почему нет... вилки с ложками - и генерал покрутил в руках и отдал Оле приборы, которые она вежливо собирала, хотя её уже вроде бы никто не просил. Бабушка даже не подумала.

Глеб сидел насупившись, скрестив руки на груди, как бы укрывая от генерала своего главного медвежонка:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.